

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

СВИДЕТЕЛЕЙ
НЕ ОСТАВЛЯТЬ

Я – вор в законе (Эксмо)

Сергей Зверев

Свидетелей не оставлять

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Свидетелей не оставлять / С. И. Зверев — «Эксмо», 2017 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-93769-1

Прошло немного времени, как заурядный бандит Глен поднялся на верхнюю ступень криминальной иерархии. Теперь для него нет авторитетов, он сам решает, кого мочить, а кого миловать. Жестокий беспредельщик, он наводит ужас как на противников, так и на своих приближенных. При этом он предельно осторожен, так что обезвредить его практически невозможно. Однако нашелся человек, готовый вступить с ним в смертельную схватку. И он уже стоит совсем рядом с главарем... Ранее книга выходила под названием «Показательное преступление»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93769-1

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1. Крысятник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Зверев

Свидетелей не оставлять

© Рясной И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть 1. Крысятник

Подобное могло происходить с кем угодно, но только не с ним. Все походило на страшный сон. Но от ночного кошмара проснешься в холодном поту и тут же поймешь, что все было не на самом деле, что никакой опасности нет. Тут же не проснуться, не забыть – все реально, и хоть вой, хоть бейся головой об пол – ничего не изменить.

Больше всего досаждал вибрирующий низкий звук. Глен знал, что это за звук и что он несет с собой. Об этом ему сообщили несколько минут назад. Он посчитал, что его брали на пушку. Если бы! Он слышал о подобном от старых ушлых эков, но представить не мог, что это может случиться с ним. За что? Почему?

Он даже не мог задать эти вопросы, потому что на губы был наклеен лейкопластырь, заменявший кляп, а на голову надет пропахший рыбой темный матерчатый колпак. Глен слышал, что такие когда-то надевали на приговоренных к смертной казни.

Грубые пальцы сорвали колпак. Глен увидел, что находится в сарае, пол которого усыпан стружками. В углу свалены канистры, всякий металлический скарб, старые лыжи и санки. Сквозь щели в стенах острыми клиньями пробивался свет заходящего солнца. В центре помещения стоял длинный столярный стол с циркулярной пилой, которая и служила источником царапающего по оголенным нервам звука.

Он почувствовал, что в нем странным образом соединились мечущийся в страхе заяц и бесстрашный зритель, со стороны наблюдающий за происходящим.

Тычком в спину Глена сбили с ног и наградили парой несильных ударов. Он попытался приподняться, но получил еще один тычок.

– Лежи тихо, сучоныш, – прикрикнул один из трех мордovorотов. Если быть точным, мордovorотов было два. Один – длинный, как оглобля, с жилистыми руками и кистями, похожими на саперные лопатки. Второй – белобрысый толстяк, натуральный фриц из фильмов о войне. У него была одышка. Дыхание с присвистом изобличало в нем астматика со стажем. Третьего никак нельзя было отнести к категории мордovorотов. Невысокий, холеный, в стильном темном костюме и больших модных очках, он чем-то напоминал бухгалтера из популярного видеоклипа.

Заяц в душе Глена был готов ползать на брюхе и умолять о пощаде. Холодный же наблюдатель просто констатировал, что это бесполезно. Хоть целуй землю, хоть ругайся страшными словами – итог будет один: тот, который и задуман этими типами. «Здесь на милость не надейся – стиснуть зубы да терпеть», – выплыли откуда-то из глубин сознания слова полузабытой песни.

– Ну что, милейший, поговорим? – Голос у «бухгалтера» был низкий, хорошо поставленный, этот человек вполне мог бы работать диктором на радио или на телевидении.

«Фриц» рывком приподнял Глена и сорвал с его губ пластырь вместе с кусочками кожи. В уголке рта начала набухать капелька крови.

– Мужики, что вы от меня хотите? – еле ворочая языком, произнес Глен. Ему казалось, что это звучит не его, а чей-то чужой голос, пробивающийся к нему как бы через толщу стекла.

– Мужики в поле пашут, – буркнул «фриц», наградив Глена чувствительной оплеухой.

– За что вы меня так?

– На это, милейший, есть весьма веские причины.

– Я ничего не делал.

– Да? Ошибаешься! Человек не существует сам по себе. Он шестеренка, связанная с другими людьми приводными ремнями долгов и обязательств, – улыбнулся змеиной улыбкой «бухгалтер». Похоже, он относился к трепачам, получающим удовольствие от самого факта сотрясения воздуха, каким бы бесполезным оно ни было. Глен всегда считал подобных типов

никчемными болтунами, не способными ни на что. Вот только смушало, что двое верзил, похоже, были у «бухгалтера» на подхвате.

– Возможно, мы вам покажемся, Глен, несколько грубыми и даже жестокими людьми, но, поверьте, это не так. Все происходящее вызывает во мне лишь чувство сожаления.

– Пришьете? – Внутри у Глена все оборвалось.

– Что за жаргон! – искренне возмутился «бухгалтер». – Он коробит мой слух. Мы вас немного поучим. Для вашей же пользы.

– Козлов по жизни учить надо, – просипел «фриц» и вlepил Глену еще одну оплеуху, такую, что едва опять не опрокинул его на пол.

– Братки, может, договоримся? Я заплачу.

– Шутник.

– Вы что-то перепутали. Скажите хотя бы, о чем речь. Я же вас даже не знаю.

– Зато мы тебя знаем, падла! – «Фриц» опять занес руку.

– Не стоит. Мы же культурные люди. – «Бухгалтер» прищелкнул пальцами. – Давайте...

Глена схватили за руки. Щелк. Щелк. Браслет с одной руки пристегнут к штырю на столярном столе.

– Пустите! – взвыл Глен. – А-а!

Мгновенно на его губах вновь оказался пластырь.

– Вы спрашиваете – за что? – «Бухгалтер» снял очки и в упор посмотрел на Глена. На его лице не было и тени агрессивности и куража – лишь насмешка. Он развлекался. – Нечестность – смертный грех. Не укради – знаете такую заповедь?

– Да брось ты метать бисер перед свиньей, – махнул рукой «фриц». – Таких на зоне топят в параше.

– Правильно, топят. – «Бухгалтер» сгреб лицо Глена в пятерню с такой силой, что у того брызнули слезы из глаз. – Ты, падаль, легко отделался. Я бы тебя с удовольствием замочил, петушиная твоя душонка.

Вращающийся диск циркулярки, красные блики пробивающегося сквозь щели солнца... Красные пятна крови. Заглушенный лейкопластырем вопль.

Глен не потерял сознания. Странно, но он даже не зажмурил глаза. Он видел все. Видел, как острые зубья впиваются в его плоть. Как два срезанных будто бритвой пальца летят на заваленный стружками пол. Его пальцы!.. Глен любил свои холеные руки с длинными пальцами, ему нравилось трогать, гладить ими предметы. Или тело женщины. И вот теперь его пальцы, которые только что могли осязать, ощущать все вокруг, превратились в безобразные обрубки.

Мир, однако, не поблек для Глена, а наоборот – приобрел еще большую четкость. Боли не было. Все вокруг стало хрупким и хрустальным. Казалось, что любое движение или даже дуновение ветерка, вздох отзовется тонким хрустальным звоном.

Откуда-то из глубины возник смех. Глен захихикал.

– Сбрендил, – сказал «фриц».

В предплечье Глена впиалась игла. Мир окутала вязкая тьма.

...Глен зло оттолкнул мать и, пошатываясь, прошел в комнату.

– Семен, где ты ходишь? Я волнуюсь... – Ее взгляд упал на руку сына. – Что с тобой, сынок? Что произошло?

Боль терзала тело Глена. Такая боль, которой он не испытывал никогда. Она растекалась от руки и проникала в каждый уголок его существа. И с ней ничего нельзя было сделать. Иногда она отступала, но лишь затем, чтобы наброситься с новой силой. Голова еще не прояснилась. Очнулся он ночью в гуде ящиков, наполненных какими-то очистками, кожурой апельсинов и бананов, сгнившими яблоками и киви. Он сообразил, что находится на территории небольшого стихийного рынка, днем оккупированного кавказцами, а ныне безлюдного. В двух кварталах

от своего дома. На руке была повязка. Похоже, в планы палачей не входило, чтобы жертва истекла кровью.

- Да расскажи же, что случилось! – не отставала мать.
- Не кудахтай! – гаркнул Глен. – Оставь меня в покое!
- Тебе нужен врач. Я вызову «Скорую».
- Вызывай что хочешь! Только отвали!

Мать привычно всхлипнула. Она всю жизнь плакала – по поводу и без повода, чем приводила Глена в бешенство. Она могла бы быть профессиональной плакальщицей и зарабатывать на этом большие деньги. Вряд ли кто еще умел напускать на себя такую безысходную скорбь.

- Сынуля, я ни в чем не виновата.
- Виновата!
- Я?

– Ты! – взорвался Глен и наподдал ногой столик. Стоявшая на нем хрустальная ваза упала на паркет, но не разбилась.

Глен зарылся лицом в диван, закусил зубами подушку.

Десять, двадцать минут... «Скорой» все не было. Мать съезжилась в кресле, зная по опыту, что к сыну лучше сейчас не лезть. По ее щекам катились слезы, она шептала едва слышно:

- Сынуля... За что же тебя так?
- «Курица», – злился Глен. Крикнул:
- Где твоя «Скорая»?!
- Сейчас еще позвоню.
- Таблетку дай! Чтоб не болело!
- Сейчас, сынуля. Сейчас.

Она начала лихорадочно копаться в серванте. Аспирин. Сульфадиметоксин. Этазол... Все не то.

- Ничего найти не можешь!

Глен встал. Пол ходил ходуном, как при качке. Глен подошел к серванту и дернул верхний ящик. Тот не поддавался. Пришлось дернуть сильнее. На пол посыпались какие-то тряпки, старые вещи. Под ноги упала белая парадная милицмейская фуражка. Глен выругался, наступил на нее ногой и повернул, будто пытался вдавить ее в пол...

* * *

Таблетки молодости. Чудо-средство. Десятки килограммов сброшенного веса. Забытое ощущение легкости в теле. Свобода движений. И нет ненавистного живота, постоянной одышки... Эх, если бы так все и было – никаких денег не жалко. Но все вполне может оказаться очередной бесстыдной рекламной шумихой. Штуковина американская, а в Штатах это умеют – всучить навоз в яркой упаковке и убедить, что и не навоз это вовсе, а шоколадка. Может быть, с этими таблетками у себя они уже всех лохов охмурили и теперь двинули на наши бескрайние просторы. Но все же хочется поверить. Надо переговорить с Кузьминским, он отличный врач. Хотя он консерватор и не признает ни одного средства, не обкатанного и не завершенного десятками печатей... Может, кого в Москву послать, чтобы разузнали поподробнее насчет этого «эликсира жизни»? Все-таки хочется чуда...

Дубровник отодвинул от себя яркий рекламный проспект таблеток молодости. Все чаще и чаще в последнее время стали посещать его черные мысли. Где она, былая молодость, когда все было впереди, когда и в голову не приходило думать о здоровье, бегать по врачам, поглощать лекарства? Где она, когда, забыв про осторожность, всюду лезешь напролом, как медведь? Кстати, и за это качество Михаил Леонидович Дубровник получил кличку Медведь.

Дубровник был тучен, малоподвижен, но в нем ощущалась скрытая энергия и сила. Недавно он, к своему ужасу, увидел, что стал обладателем уже третьего подбородка. Он знал, что ему всегда было далеко до идеала мужской красоты. Даже слишком далеко. Но в том кругу, в котором ему приходилось вращаться, ценились не столько элегантность, обходительность, внешность киногероя, сколько хитрость, воля, способность в один прием сбить с ног любого. Всеми этими качествами Медведь обладал. Мог гнуть железные прутья. Закуска у него была крепкая, от предков – деда-кузнеца и отца – здоровенного работяги с электролитного завода, который таскал на работе стопятидесятикилограммовые ящики с железными болванками. Смазливая внешность нужна дуракам, чтобы охмурять баб. Но Дубровник знал и то, что баб, как мед мух, притягивает запах силы, денег и власти – тут они теряют голову. Кого только не затаскивал он к себе в койку! Стюардесс, актрис, журналисток, самых дорогих московских валютных проституток, лепечущих на английском и немецком так же свободно, как и на русском. Ни одна не задерживалась у него больше месяца...

Его огорчало, что после мыслей о здоровье последнее время его все чаще и чаще стали посещать думы о смерти, о душе. Даже о замаливании грехов. Бывает, холод пробирает, когда задумается о прошлом. А еще страшнее при мыслях о будущем.

Прочь тоску! Ведь если взглянуть с другой стороны – только сейчас и настали времена, чтобы жить и не тужить. Скажи ему кто-то еще года два назад, какими деньгами он будет ворошить, с какими людьми здороваться за руку, – решил бы, что над ним издеваются. То, что происходило сегодня, порой казалось ирреальным, смахивало на абсурдистскую фантазмагорию. Открылись пещеры Али-Бабы, и те, кто пошустрее да понаглее, могли без особого труда запустить в его сокровища руку. Судьба расточала невероятные щедрости. Правда, порой приходилось платить за них кровью. Пока что чужой...

Дубровник тяжело поднялся с низкого кресла, обитого мягкой синей кожей. Эта мебель обошлась ему в одиннадцать тысяч долларов, и привезли ее прямо из Москвы. Он не предполагал, что приобретение вещей окажется чрезвычайно увлекательным занятием. И очень дорогим. Вон принесли ершик для чистки унитаза. Сто пять долларов. Дороговато. Но вещь какая – загляденье. Да и вообще: десять тысяч долларов потратишь, тут же еще пятьдесят набегут. Жизнь пошла такая.

Дубровник посмотрел в окно. Строительство дома близилось к завершению. Он залюбовался: настоящее имение. Пришлось подкупить земли у соседей, стоило недешево, зато теперь у него не жалкие шесть соток, а обнесенная высоким забором считай что усадьба. И дом солидный, на четырнадцать комнат, с подземным гаражом. И бассейн крытый будет во дворе. И теннисный корт. Да, теннисный корт. Смешно, но Дубровник активно начал приобщаться к этому виду спорта. Лелеял надежду растрясти немного вес. Кроме того, на этой почве можно было приобрести немало ценных знакомств. Спорт модный, вон, бывший президент его любил, ну и местные холуи, чтоб от Москвы не отстать, тоже приобщились, а теперь отвыкнуть не могут, потому как бренд раскрученный, и вокруг теннисных страстей продолжают тусоваться всякие серьезные люди. Правда, пока что Дубровник выглядел на корте, как бегемот на льду, но со временем он надеялся сбросить эти гадские лишние килограммы.

Как закончится строительство, надо разбить на участке цветники. Он обожал цветы, лес, вообще зелень. На одной из зон, которые он почтил своим присутствием, был хозяин (начальник колонии), который тоже обожал зеленые насаждения. Правда, бедолаге это увлечение вышло боком. Зэки, рады стараться, развели такие заросли – сердцу мило!.. А потом приехала комиссия из Москвы. Там мужики собрались тертые, сразу смекнули, что зэки понасеяли. А посадили они коноплю, и в зоне начали производить свою анашу... Когда, где это было? Тысячу лет назад? За миллионы миль? И с ним ли? Тюремная пайка, колючка, крики конвоиров. Жизнь, в которой приходилось ежедневно и ежечасно утверждаться, показывать, кто ты есть, доказывать, что имеешь право карать и миловать. Дубровник никогда не страдал

излишним самомнением, считал его уделом дураков. Свои обязанности он выполнял вполне достойно. Никого просто так в грязь не втапывал, старался соблюдать правила, делать все по справедливости...

Он мечтал, что когда-нибудь разделается со всем и, поднакопив денег, умотает куда-нибудь за границу. В Германию, в Штаты, в Швейцарию – куда угодно, только подальше отсюда. Купит там тоже дом, пусть поменьше, чем этот. Разведет цветник, вступит в какой-нибудь местный клуб и будет проводить время в беседах за кружкой пива с местными бургерами. И постарается как можно меньше вспоминать, что пришло ему повидать на своем веку. Что заправлял делами в зонах и был воровским положенцем, поставленным на город, а совсем давно пару раз пришлось приводить в исполнение приговоры воровских правил... И что в этот чертов теннис приходилось играть!

Он с трудом оторвался от мыслей и вроде бы только что вспомнил, что в комнате он не один.

– В «пятнашку» надо подбросить «зелени», – сказал Дубровник. – И попытаться найти подходы к тамошнему «хозяину». Что-то он слишком сурово все загнул. Если ничего не изменится, Клык обещал зону на бунт подбить.

– Он что, совсем умишком тронулся? – осведомился сидящий на диване элегантный Кот, правая рука Медведя. Они обсуждали насущные вопросы. – Это плохо кончится. Сейчас администрация не церемонится. Спецназ натравят, те народу передают сколько смогут. Нет, надо как-то ситуацию разводить.

Послышался шум мотора, скрип тормозов. Звук автомобильного двигателя всегда вызывал у Медведя неприятные ощущения. Он всю жизнь подсознательно ожидал того момента, когда приедут за ним: или уголовный розыск – за его свободой, или свои – с этими хуже, они удовлетворятся только его скальпом. Дубровник поглядел в окно.

– К нам? – спросил Кот.

– К нам.

– Кого черт принес?

– Глена. Только этого хлыща нам и не хватало...

* * *

Глен читал, что люди могут ощущать ампутированные части тела как живые. Он считал это враньем. Но сейчас жутко чесались и ныли два пальца на левой руке. Те самые пальцы, упавшие на пол после того, как по ним прошла циркулярная пила.

Через несколько дней буря чувств, боли, обид перекипела. Ушли стыд, ярость, страх. Будто что-то щелкнуло в голове. Осталось лишь стремление отплатить тем же. Жгучее желание посмотреть, как корчится «бухгалтер», как умоляют о пощаде его подручные бугаи. И как такая же пила въедается в их тела, разделявая их на куски... Глен понимал, что такие мысли лучше гнать от себя... За те дела, которые всплыли, можно было и головой поплатиться. Нужно залечь на дно и обдумать, чем заняться дальше... Но это не для Глена. Пружина, которую он почувствовал в себе в тот момент, когда смотрел на свои отваливающиеся пальцы, толкала его к действию. И однажды утром он вылез из своей берлоги на белый свет.

«Копейке» («Жигулям» первой модели), которая досталась ему от отца, в этом году исполнялось восемнадцать лет. Но она до сих пор ездила довольно резво. Наверное, потому, что стояла в гараже без движения все те годы, пока Глен отдыхал за казенный счет на различных северных «курортах». Вести автомобиль с перевязанной левой рукой было непросто, но Глен приспособился. Ехать нужно было через весь город. Чтобы избежать пробок, он выбрал объездной маршрут. Через сорок минут «Жигули» остановились перед массивными металлическими воротами с довольно уродливыми бронзовыми львами вместо дверных ручек. Глен

выключил мотор и застыл, положив руки на приборную панель. Он вновь задумался о том, правильно ли поступает. Неизвестно еще, чем все кончится, если он начнет качать права... Нет, надо выяснить все до конца. Он вышел из машины и решительно звякнул металлическим кольцом, продетым через нос льва.

– Кто там ломится? – Голос принадлежал Червяку, старому прожженному урке, телохранителю и шоферу Медведя. Червяк был чахоточен, тощ, жиденькая борода придала ему сходство с дьячком из заштатного сельского прихода. Глен не понимал, какой из него телохранитель, пока не услышал историю, как на воровской разборке Червяк пришил трех бугаев, которых никак нельзя было отнести к пай-мальчикам. Финкой он владел виртуозно, и в случае необходимости она превращалась в его руках в оружие пострашнее пистолета.

– Открывай, это Глен. Я к Медведю. Я ему звонил.

– Чо тебя несет на ночь глядя?

– Какая ночь? Вечера еще нет.

– Ладно, умник.

Глазок на воротах мигнул, скрипнула щеколда, послышались щелчки отпираемых замков, и тяжелая дверь в воротах отворилась.

– Проходи... Теперь стой. Шмонать буду.

– Тебе бы на зоне вертухаем быть. Такой талант пропадает.

– А что, – добродушно согласился Червяк, – я бы экзов крепко в кулаке держал – не пикнули бы.

Червяк ощупал одежду Глена. Другой охранник, по кличке Сержант, стоял поодаль, положив руку на кобуру с пистолетом. Его бульдожья физиономия не оставляла сомнений, что он недолго будет думать, прежде чем пустить его в дело.

– Ну чего, нашел базуку? – насмешливо спросил Глен Червяка.

– Нет... Ладно, сейчас доложу хозяину. Он решит, принять тебя или послать. Я бы послал.

– Почему это?

– Да просто так, – пожал плечами Червяк. – От хорошего настроения.

Червяк пошел в дом. Глен прислонился к багажнику «Вольво ХС70» цвета синий металл.

– Дай закурить, – попросил Сержант, по старой привычке падкий до халявы.

Глен протянул Сержанту пачку «Кэмел».

– Что с рукой? Какая-нибудь телка укусила?

– Укусила, – зло бросил Глен.

– Радуйся, что не за что-то другое. Хороший бы ты был сейчас мужик.

– Милиционер ты, и шутки у тебя милицейские.

– Зато смешные. Слышь, Глен, а может быть, тебе без него и лучше было бы. Никаких проблем! Ни денег, ни нервов, ни жизненных сил на баб не тратить. Живи себе в свое удовольствие.

– Сострил, да? Милиционеры все такие.

– У вас, уголовничков, учимся.

Сержант до недавнего времени действительно был сержантом милиции, работал в патруле. Непробиваемый, здоровенный, он чувствовал себя хозяином на улицах. Его боялась и шпана, которой он не давал спуска, и лоточники с ларечниками, к которым он обычно заглядывал с авоськой. Сгорел он, когда с напарником по привычке затащил уличную проститутку в машину и поехал в пустынное место использовать по назначению. И надо же – в самый сладкий момент на них обрушилась проверка во главе с начальником милиции города. А потом всплыли истории с поборами, прошел слухок, что Сержант задержал на рынке двоих кавказцев с пистолетом и отпустил за пятьсот долларов. Большого шума поднимать не стали, про-

сто попросили освободить место. Без работы он ходил недолго. Устроился в охранно-сыскную фирму, которая, как оказалось, находилась под покровительством главного воровского авторитета по кличке Медведь. С его парнями Сержант сталкивался на вещевом рынке: те собирали дань с ларечников. Братву Сержант сильно не прижимал, находил с ними общий язык, один раз даже удостоился встречи с самим Медведем, заглянувшим на рынок. Почему-то он понравился Дубровнику. Сержант отличался быстрой реакцией, хорошей стрелковой и физической подготовкой. Когда он начал работать в охранной фирме, появился договор с АО «Афина» на охрану генерального директора «Афины» Михаила Леонидовича Дубровника. Так воровской положенец получил легальную вооруженную охрану. Не придерешься: закон есть закон.

– Чем Медведь занят? – осведомился Глен.

– Бабки считает и дом строит. Мне бы его заботы.

– А у вас, ментов, можно подумать, какие-то заботы есть.

– Эх, жаль, ты мне не попался, когда я форму носил! Узнал бы, как честных тружеников ментами обзывать. Резиновая палка – она внушает уважение.

– Может, это твое счастье, что я тебе тогда не попался.

– Да? – Сержант насмешливо посмотрел на Глена и повел могучими плечами. Со своей комплекцией и силой он мог бы запросто свалить Глена одним тычком. – Тебя, дружок, все не любят, потому что характер у тебя паршивый. И когда-нибудь ты свернешь свою тощую шею. – Он зевнул, теряя интерес к разговору.

«А может, я сверну твою толстую шею, – подумал Глен. – Всех бы вас, козлов, удавил, будь моя воля. Строят из себя невесть что, скоты».

Из дома вышел Червяк и кинул:

– Пошли. Хозяин не гонит тебя в три шеи. Зря.

Лестница была покрыта ковровой дорожкой, как в музее. К поручням приделаны медные канделябры. Стены обиты бархатом. Здесь царил не вкус, а богатство. На площадке второго этажа висела двухметровая картина, изображавшая хозяина дома. Она была довольно аляповатая, но выполнена профессионально. Художник явно приукрасил объект своего творчества. Полнота превратилась в умеренную солидность, третьего подбородка не было. С картины смотрел директор завода или профессор, а не рецидивист.

В углу стояло чучело медведя с кайлом в лапах. На нем висела табличка: «Мишка на Севере». Эту хохму придумал Кот – намек на кое-какие эпизоды из биографии Дубровника. Чучело это материализовалось здесь, предварительно исчезнув из областного краеведческого музея. Все музеи сейчас дышат на ладан от недостатка финансирования, их запасники пустеют с каждым днем. Дубровник отчислил в музей благотворительный взнос и теперь положил глаз на мундир генерала вермахта, который ему страшно понравился. Сделка была в стадии переговоров и близка к благополучному завершению.

Из кабинета доносились голоса, принадлежавшие Медведю и Коту.

– Это что же? – возмутился Медведь. – МП «Дэймос» деньги на наш счет не перевело? Они нас динамят?

– Они плачутся, что денег у них нет. Мол, мы их и так ободрали как липку.

– То-то, гляжу, они каждый месяц всей конторой отдыхать ездят – то Багамы, то Сейшелы. А Вадим вторую квартиру купил и новый «Шевроле».

– Они там все на взводе. Говорят, дожали мы их. Как бы в ментовку не побежали.

– Не побегут. Кто помог им на «Кентавр» наехать? Вадим не забыл? Он мне по гроб жизни обязан. А долги надо платить.

Червяк постучался:

– Глен пришел.

– Пусть заходит, – кивнул Медведь.

Глен вошел в комнату и увидел стоящего у окна Медведя с банкой пепси в руке и сидящего на диване нога на ногу Кота.

– Чего надо, малыш? – дружелюбно спросил Дубровник.

– У меня неприятности.

– ГАИ оштрафовала, что на такой развалюхе ездешь? – усмехнулся Кот.

– Хуже. – Глен подавил раздражение. – Посмотрите. – Он продемонстрировал перевязанную руку.

– Шлюха укусила? – осведомился Кот.

«Они с Сержантом что, на одной свалке остроты находят?» – подумал Глен.

– Не шлюха. Циркулярная пила.

– В столяры устроился? – продолжал ерничать Кот. – Что же – дело хорошее. Денежное.

– Меня схватили в сквере, увезли за город и оттяпали пальцы.

Глен описал внешность обидчиков.

– Любопытно, – нахмурился Медведь. – За что на тебя накатили?

– Не знаю.

– Врешь.

– Не вру.

– Без причины ничего не бывает.

– Я же говорю – не знаю. Медведь, это же твоя территория, а такой беспредел.

– Плохо, – сказал Кот, – если всякий начнет творить что вздумается. Как бы серьезные парни не наехали. Только вот с азерами разобрались...

– Мне бы узнать, кто это. – Глен сунул изуродованную руку в карман. – Я бы нашел способ посчитаться.

– Да сиди уж, Рэмбо засушенный, – отрезал Кот. – Нам еще благородного мстителя не хватало. Без тебя разберемся.

– Не высовывайся никуда, – сказал Медведь, – я тебе через пару дней позвоню...

* * *

Торгами торговали прямо на улице, под навесом около центрального универмага. На столике были разложены белоснежный «Полет», розовый «Абрикотин», усыпанный орешками «Подарочный».

Подошел худощавый, коротко стриженный, с тонкими усиками мужчина, чем-то напоминающий гусара с миниатюры девятнадцатого века. Однако, судя по одежде – засаленной рубашке, потертым вельветовым брюкам, – гусар этот побывал в длительном походе, а может, даже долго выбирался из вражеского окружения. Его цепкие глаза пробежали по ценникам. Он покачал головой:

– Ерики-маморики. Обалдайс! Голубушка, давно вы перешли на обслуживание банковских магнатов?

– Чаво? – Продавщица в белом халате, плотно облегающем полное тело, исподлобья оглядела потенциального покупателя.

– Эти цены рвут мое нежное сердце. «Птичье молоко» – двести рубликов! Скажите, что вы пошутили, и отдайте мне его за пятьдесят.

– Шас, как же! Не нравится – не ешь, – вполне резонно заметила продавщица.

– А я хочу, хочу есть. Какая несправедливость.

– Мужчина, или покупайте, или не отвлекайте от работы.

«Гусар» еще раз внимательно прошелся по ценникам, не переставая выдавать комментарии. Потом, не менее внимательно, со вздохами, принялся изучать содержимое своего кошелька. Ничего не поделаешь, придется купить. Конечно, не «Птичье молоко». И не

«Абрикотин». Слишком жирно ей будет. Еще растолстеет. А для женщины стройная фигура – половина счастья. Хватит ей вафельного «Сюрприза».

– Заверните вот этот. Не стоит он таких денег, но мне вас жалко. Что без всякой пользы здесь простаиваете.

– Жалостливый... Нищенствовал, что ли? – Продавщица пересчитала мятые купюры и бросила их в картонную коробку.

– Заработал. Вот этими трудовыми мозолями.

– Ох, шаромыжник.

– Спасибо за доброе слово. Ты тоже королева красоты.

Насвистывая, «гусар» направился в универмаг. Теперь очередь за выпивкой. Этого добра сегодня полно – спасибо победившим правам человека. В том числе одному из главных прав – на употребление спиртных напитков.

В виннике – винном отделе – очередь была совсем крохотная. Радовал и выбор, глаза разбегались от обилия бутылок, ярких этикеток. Так, посмотрим. «Вишневый ликер» – это из области дурного вкуса. «Мальвазия» – слишком претенциозно. «Бренди» – грубо, «Мартини» – вульгарновато. Шампанское – чересчур в лоб, примитивно. Ну а главное – дорого, дорого и еще раз дорого... Вот она, родимая, притулилась в углу. «Моя вторая мама» – так прозвали тебя в народе, а народу надо верить. «Беленькая», с винтом. Завод «Кристалл». Просто, сурово, патриотично. Стоит всего ничего, а градусов полно. Бабы от водки мягкими становятся, податливыми.

– «Столичную»! – «Гусар» протянул чек, и бутылка угнездилась в его сумке из дешевого кожзаменителя, висящей на плече.

Теперь цветы. Неподалеку целый ряд торговцев, обливающихся потом в этот не апрельски жаркий день. Ох, цены, цены. Нет для вас преград. Нет непокоренных вершин. Зубы у вас, как у акулы... Но, пожалуй, не стоит баловать с самого начала. И к чему откровенные намеки в виде букета цветов? Порядочной женщине это может не понравиться. Да и, честно говоря, не в его правилах дарить цветы. Последний раз он их посылал, когда положение с деньгами было несравнимо лучше, чем сейчас. Посылал не женщине, а народному судье Санину на похороны с припиской: «Спасибо, что безвременно оставил нас»... Нет, не будет он сегодня дарить цветы. В газете писали, что их запах может быть вреден для здоровья. Он не причинит даме вреда.

Слава Гусявин, справивший в конце прошлого года свое тридцатилетие, мог составить длинный список вещей, которые он любил и не любил. Любит он женщин, домашний уют, вкусную еду. Ему очень часто нравились вещи, которые, к сожалению, по воле злодейки судьбы оказывались во владении других людей. Тогда душа его вскипала от подобной несправедливости, и он прилагал все усилия, чтобы устранить такой перекося в мировом порядке. Часто, даже очень часто это удавалось сделать без каких-либо трагических последствий. Но иногда вмешивался злой рок, и черный ветер приносил в жизнь его то, что он не любил и от чего хотел держаться как можно дальше. А не любил он все связанное с Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами. Не любил следствия и следователей, суды и судей, приговоры, колючую проволоку, конвоиров. Лучше бы их вообще не существовало на грешной земле, но, к сожалению, это мировое зло неизбежно. И неизбежными были, похоже, три ходки по «памятным местам», где побывали многие замечательные люди. И – Гусявин...

«Если вы не боитесь помочь обрести себя человеку, который однажды оступился, но полон решимости начать новую жизнь, напишите. Меня зовут Вячеслав. 30/180/70. Моя душа устала скитаться в космосе среди холодных душ». Объявление в газету сочиняли на досуге всей братвой. Насчет космоса и холодных душ придумал Штепсель – старый мошенник, отматывающий шестую судимость, и все за «куклы». Дело это было занятным, должно было скрасить один из долгих вечеров в ИТУ строгого режима в Иркутской области... Нельзя сказать,

что после этих объявлений обрушилась лавина писем. Но их пришло достаточно, чтобы поразвлечь братишек. Были среди них написанные в романтическом стиле, с разными там «лютиками-цветочками» и фразами типа: «Да соединятся наши сердца в порыве любви». Были и достаточно откровенные. Одно было в стихах:

Пускай мы встретимся, и весь обман
Уйдет в туман...

Господи, это ж надо написать такой бред!

Присылали и фотографии. Некоторые дамы были страшны как смертный грех. Некоторые – вполне приличной внешности. Были снимки десятилетней давности. Похоже, что изображенные на них были старыми девами и готовы были пуститься во все тяжкие.

Эти фотографии вызвали наибольшее оживление. Они ходили из рук в руки, сопровождаемые комментариями. Кое-кто пририсовывал на них скрытые от взоров части женского тела. Два снимка были такие, что их и дорисовывать не надо было – все и так на виду. Этот снимок Гусявин обменял на две пачки чая, которым поделился со Штепселем – тот был автором идеи.

Срок у Гусявина подходил к концу, и он решил воспользоваться этой корреспонденцией. Кандидатуру выбирали всем баракком. Необразованных «Дунек с мыльного завода» он отринул с ходу: не любил тупых коров, которые не могут связать двух слов. Выбор в конце концов остановили на Галине Ивановне Степанцовой, двадцати восьми лет от роду. И опять здесь помог Штепсель – большой дока в этих делах.

– Библиотекарь. Значит, кроме книжек своих, ничего не видела.

С фотографии стеснительно смотрела тоненькая симпатичная женщина, сидящая, скромно положив руки на колени, на диване.

– Смотри. Глаза большие-большие, – продолжал Штепсель, – наивные-наивные. А слова!.. Они идут из самых глубин женской трепетной души. Тургеневский стиль. «Вячеслав, я верю в вас и надеюсь, что вы обретете себя в этом мире, где так много прекрасного. Да, вам пришлось нелегко, но скоро все это будет позади и забудется, как дурной сон. Может быть, если мы встретимся, это будет не случайностью, а знаком судьбы». Знаком судьбы... Каково?.. Эх, Сявый, лохов ценить надо. Хороший лох, а тем паче лохиня, многого стоит. Это наше национальное достояние.

– Пожалуй.

– Живет одна, в отдельной квартире. Чего тебе еще, дураку, надо?

– Ладно. Согласен.

В ответ на это письмо отгрохали петицию на шести страницах. Каждый свою лепту вносил. Но больше всех Штепсель постарался. Когда потом вслух зачитывали, у Рынды – бугая-баклана с тремя судимостями за хулиганство и грабежи – стояли слезы в глазах. А Картавый орал:

– Ну, братки, балдеж! Ну, она, в натуре, сразу разложится!

...Гусявин поднялся на двенадцатый этаж. Мягко разъехались двери лифта. Торт в одну руку, сумку – в другую. Главное – первое впечатление. И тогда будет хата, кормежка. Домашний уют. Разляжется он в халате на диване, будет смотреть телик, а она – суетиться, готовить ужин. Потом в постель и...

– Ну, ни пуха, Вячеслав Николаевич. К черту, Вячеслав Николаевич.

Он вдавил кнопку звонка и, заслышав шаги, нацепил на лицо маску одухотворенности и задумчивости...

* * *

Глен чувствовал, что в его жизни наступает какой-то поворот. Все повороты, которые были раньше, до добра не доводили. И все они приходились на апрель. Сейчас как раз апрель... Ровно восемь лет назад в этот день все и произошло. Именно четырнадцатого числа он переступил через барьер и понял, что МОЖНО ВСЕ. Глену всегда казалось странным, что кто-то не может преодолеть этот барьер, для кого-то он непреодолим, что многие гибнут, разбиваются об него в лепешку. Например, Индюкатор... Впрочем, Индюкатор всегда был слабаком.

Зазвонил телефон. Глен подошел к столику в большой комнате и, сев на диван, поднял трубку.

- Слушаю.
- Але, Глен?
- Это ты, Червяк?
- Узнал? Значит, богатым не буду.
- Уж куда тебе.
- Не умничай особливо. Мне с тобой встретиться надо. Медведь поручил.
- Когда?
- Через два часа у телеграфа.
- Подожди, сейчас прикину.
- Хрена тебе прикидывать. В три часа у телеграфа – и баста.
- А ты не слишком круто забираешь?
- Нет, не слишком. Медведь приказал с тобой, умником, особливо не церемониться.
- Хорошо, буду.

Глен положил трубку. Медведь сказал – не церемониться. Что бы это значило? Глен в сердцах ударил по столу, и стоявшая на нем фотография упала на пол. Глен поднял ее и поставил на место. На миг нахлынула грусть. На фотографии молоденький отец в форме лейтенанта милиции обнимал мать и держал на коленях маленького Глена. Точнее, Глен тогда еще был не Гленом, а Семочкой, болезненным, худым ребенком, над которым к пяти годам уже не раз заносила смерть свою косу. Но он выкарабкивался. Уже тогда у него было огромное желание жить. Он будто шел к какой-то цели, на которую был запрограммирован. Впрочем, такие мысли стали приходить ему в голову гораздо позже.

Восемь лет как не стало отца. У Глена к нему было странное отношение. Он его никогда не любил. Хотя бы потому, что вообще не знал, что стоит за этим словом, считал его выдумкой поэтов и слабаков. Он где-то даже боялся отца, хотя тот всего один раз побил его. В третьем классе он толкнул на лестнице одноклассницу свою Нину Семенову так, что она сломала руку и на два месяца оказалась в больнице. Глен знал, что виноват кругом, и от этого возненавидел Нину. Может, у него просто была потребность кого-то ненавидеть? Эх, если бы знать, до чего дойдет. Но такое он себе представить не мог, пока не включилась заложенная в его подсознание та самая программа...

Отец так и не узнал ничего. Он лежал в больнице. Довела работа и выходы сыночка. Изношенное сердце не выдержало... Когда Глен узнал о его смерти, то испытал не жалость, а какое-то отчаянное злорадство. Перешагнувший барьер видит мир в кривом зеркале тролля или как Кай в «Снежной королеве»...

Пора идти. Перед встречей с Червяком надо еще заглянуть в районную поликлинику, показать руку хирургу и сделать перевязку.

Глен вышел на улицу. Он не знал, что в этот день ему предстоят встречи, которые кардинально изменят его жизнь. Первая – с Кариной. Трудно было представить, что она способна повлиять на чью-то судьбу. Карина была молодой, смешливой, глупой, серой как валенок. Она

обладала сексуальной фигурой и смазливый простоватым лицом. Она принадлежала к числу тех, которых сразу хочется затащить в постель, и не производила впечатления, что будет сильно сопротивляться этому. Особенно если такое предложение последует от высокого, с итальянскими тонкими чертами лица парня, такого, как Глен.

Он неплохо знал молодых и глупых курочек. Он сразу уловил в ее глазах какой-то огонек, который при умелом раздувании вполне может разгореться в пламень вожделения.

Встретились они в тесном коридорчике у двери хирурга. У нее тоже была перебинтована рука. И тоже левая. После того как в кабинет прошел, неуклюже перебирая костылями, красномордый кряжистый мужик, Глен брякнул:

– Герой Цусимы.

Девчонка хмыкнула, но пока еще сдержанно, сохраняя девичье достоинство.

– Или жертва авиакатастрофы, – продолжил Глен.

– А вы?

– Меня укусила бешеная собака. – На Глена нашло вдохновение. Пудрить мозги девицам он умел с детства.

– Ой! – удивленно расширила глаза она.

– А вы что, ничего не знаете?

– Что я должна знать?

– Все газеты об этом писали. Укусила меня дворовая шавка. Я бы по виду никогда не сказал, что бешеная. Даже и не думал, пока самого кусаться не потянуло.

– Как это?

– Во-первых, как воду увижу – сразу тошнит. Болезнь эта еще водобоязнь называется. Во-вторых, кусаться хочется. Непреодолимое желание. Дураком себя чувствуешь, а поделать ничего не можешь.

– Не может быть.

– Как вас зовут?

– Карина.

– Карина, я бы и сам не поверил, расскажи мне кто такое. Если бы на своей шкуре не испытал. Приятеля встречаю, он мне руку для приветствия протягивает, а я... Укусил я его.

– Да брось!

– Чего бросить? Восемь человек еще перекусал. Двое умерли. Сердце не выдержало. Милиция меня искала. Но я сам пришел. Суд да дело, решили, что я невменяемым был, а потому судить меня нельзя. Теперь лечусь... Вот только с рукой плоховато.

Девчонка растерялась. Она понимала, что собеседник придуривается, но где-то жило сомнение – а может, правда. Чем черт не шутит?

– А сейчас?

– Сейчас не кусаюсь. Почти не кусаюсь. Нет, ну иногда, конечно, бывает...

Тут Карина прыснула.

– Ой, заболтал! А я чуть не поверила.

Пациент на костылях вышел из кабинета и заковылял по коридору, задевая стулья и кадки с растениями.

– Моя очередь. – Карина поднялась.

– Карина, последняя просьба: я хотел бы еще поговорить с вами, если останусь жив. Инвалидов, знаете, тянет друг к другу.

– Тоже мне, инвалид... 22–16-13. Позвони, если не умрешь сегодня.

– По такому случаю я постараюсь выжить. У меня появился смысл продлить существование.

Вторая судьбоносная встреча была с Червяком. Вид у того был ехидный и торжествующий.

– Не обижайся, Глен, хозяин просил передать, он может подумать, что ты козел.

Глен стиснул зубы. «Козел» – одно из самых страшных ругательств среди блатных. Почти такое же неотвратимое, как «петух» (пассивный гомосексуалист). Сколько крови пролилось из-за него. Глен сам видел в пивной, как один синий от татуировок выпускник лучших исправительных учреждений России назвал своего приятеля, относившегося к той же породе, этим словом. Последовал вопрос: «Отвечаешь за слова?» – «Отвечаю». Нож в сердце – и весь разговор. Если Дубровник передает такие слова, а он обычно сдержан на язык, – значит, дела дрянные.

– Почему он меня так?

– Говорит, что ты прохвост. И ведешь себя как падла. Место свое забыл... Чего уставился, как солдат на вошь? Не мои слова – хозяина.

– Ты с таким смаком их произносишь. Не боишься, что отольется тебе?

– Да что ты, умник, тебя мне бояться? Хи-хи.

– Извини, вырвалось.

Глен прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнее.

– За что на меня Медведь взелся?

– За то, что ты слишком шустрый. Забыл о Каримове? Вот тебе и напомнили.

Глен сглотнул комок. Вот черт. Все выплыло наружу... Год назад Глен вышел из зоны и, как положено, пошел засвидетельствовать свое почтение Медведю – положенцу в городе. Глен никогда не считал себя вором, не представлял, как можно гордиться тем, что ты лазишь в форточки. Кроме того, он ненавидел любой закон, будь то хоть государственный, хоть воровской. Его стесняли любые рамки. Но такая уж судьба была – попасть в этот круг. Хотя по нынешним временам это даже почетно – самые ценные связи приобретаются в тюрьме. Особенно когда сидишь не со шпаной на общем режиме, а с солидными людьми, имеющими по две и более ходок. Выйдя из такого заведения, гораздо легче найти занятие, при котором тебе обломятся хорошие деньги, не такие, как после Московского государственного университета. Глену Медведь тогда выдал, как и положено, деньги из общака на обустройство. А потом приспособил к делу.

Каждая зона «греется» извне наркотиками, деньгами. Там ходят такие огромные деньги, что у обывателя глаза бы на лоб полезли. В последнее время на зону хлынуло оружие, и не как в старые добрые времена – заточки да финки, а стволы, взрывчатка. Когда Глен готовился к освобождению, Сема Армавирский, которому тянуть было еще лет десять, и два таких же фрукта умудрились взять восьмерых заложников с помощью гранат. Одну рванули для остротки. Гранаты им, конечно, передали с воли...

Но самой большой ценностью там были и остаются наркотики. Их требуется для зоны много. Глену поручили организовать доставку из Казахстана маковой соломки, чтобы греть «пятнашку» (то есть ИТУ-15), за которую отвечал Медведь. Для этого Глену выделялись значительные средства, перепало и ему на безбедную жизнь. И все было бы ничего, если бы Глен не начал крысятничать, попросту говоря, воровать у своих, нарушать финансовую дисциплину, химичить с товаром.

– И откуда вонь пошла? С «пятнашки»? – спросил Глен.

– Не знаю.

– По чьему же велению меня так?

– По сучьему велению, по ихнему хотению. Не ломай голову. Вообще-то, умник, тебе повезло. Могли бы и замочить. Или так нагрузить, что пришлось бы и машину, и квартиру продавать. Впрочем, меня это не касается. Была бы моя воля, я бы тебе голову отстриг. А кто велел – пусть это тебя меньше всего волнует. Что бы ты сделал, если бы узнал?

– Ничего, – стиснув кулаки, выдавил Глен.

– Правильно, ничего. Потому что ты мелочь. Гля. Чтобы тебя придавить – много сил не надо... Да, Медведь еще посоветовал тебе с наркотой завязывать. Узнаем, что продолжаешь, тебе по полной программе лечение пропишут. А то зажрался.

– Да уж, зажрался, гляди. Виллу на Багамах отгрохал.

– Виллу не виллу, а из кабаков неделями не вылезает. Любишь ты это – хрусталь, ложечки серебряные.

– А ты что, перловку черпаешь алюминиевой ложкой, которую за голенищем кирзового сапога носишь?

– А чего, за сорок лет жизни и такое бывало. В общем, умник, начинай трудовую жизнь. Грузчиком устройся, хи-хи...

– Да пошел ты!..

Третья встреча произошла вечером, при обстоятельствах весьма неприятных. После известий, которые принес на хвосте Червяк, настроение у Глена было преотвратнейшим. Ему захотелось напиться до бесчувствия. Правда, он знал, что до бесчувствия напиваться не станет – никогда не пылал излишней страстью к горячительным напиткам. В пьяных компаниях обычно был трезвее других, так что когда на этой почве начинались дрянные истории, держал ситуацию под контролем. Однажды после пьянки из пятерых собутыльников четверо оказались за решеткой – все, кроме Глена. Хотя натворил он не меньше. Просто прекрасно помнил все и удачно свалил свою вину на других. Способность повернуть самые неблагоприятные обстоятельства в свою пользу он ценил больше всего...

Часы показывали четверть одиннадцатого. Единственный в округе ночной ларек находился в нескольких кварталах от дома, в скверике около парфюмерной фабрики. На ларьке сияла подсвеченная вывеска – «ТОО «Барс». Раньше здесь царил тишь да гладь, ходили влюбленные парочки, люди выгуливали собак, все было пристойно. Теперь же стоял шум, рев мотоциклов, ругань, звон гитар, хрипение магнитофонов... Окрестные алкаши и шпана облюбовали это место для посиделок. Время от времени здесь разгорались скандалы, потасовки. Иногда появлялась милиция. Если проводилась масштабная операция, гребли всех подряд, а кое-кого и отделявали омовскими дубинками. Года три назад пьяная толпа набросилась здесь на милицкий наряд, старшину милиции полоснули ножом по лицу. Началась стрельба, на поле брани осталось два тела с огнестрельными ранениями.

– «Амаретто» и «Токай», – процедил Глен, протягивая деньги. Всякую дрянь он не пил, предпочитал напитки с громкими, звучными названиями. Правда, никто не гарантировал соответствие наклейки содержимому, но все равно лучше пить это, чем мутную водку местного ликеро-водочного завода.

Глен сунул бутылки в пакет, рассовал по карманам сдачу. Тут все и началось...

Молодчиков было четверо. Семнадцати-двадцатилетние сопляки – допризывники или белобилетники. Они сидели на пластмассовых стульях у ларька и цедили уже не первую бутылку отвратительной краснухи. Во всю мощь ревел магнитофон, музыка напоминала буханье падающих с пятого этажа тазов и кастрюль. Сопляки были преисполнены ощущением собственной значимости, которое росло с каждым глотком вина. Предводителем у них был Коля Глюк – прыщавый пэтэушник, страшно гордый своими связями с блатными: пару раз ему довелось постоять на стреме, когда чистили склад парфюмерной фабрички. Глюку, как всегда после дозы вина, хотелось подраться. Если точнее, то в пьяном виде драться ему хотелось не всегда, а лишь на виду у компании, перед которой можно пофорсить, показать себя и, что самое главное, владея численным преимуществом, без особого риска отделать какого-нибудь лопуха. Ну а если быть совсем точным, то Глюку вовсе не драться нравилось, поскольку драка предполагала сопротивление объекта и можно было здорово схлопотать, – ему нравилось просто бить людей. В этом он чем-то был схож с тем, кому сегодня предстояло сыграть роль его жертвы.

– Э, ханурик, где такие кроссовки отхватил? – крикнул Глюк.

Не обращая внимания, Глен заворачивал пакет.

– Глянь, Серега, этот индюк с нами говорить не хочет. – Глюк положил ногу на стол.

– А по рогам ему, – беззлобно отозвался Серега, лопухий, сгорбленный, с рыжим пушком на подбородке и по-мальчишески обиженным выражением лица парень.

– Да у него рогов нет. У него бабы нет, нет и рогов. Он педик.

– Кто педик? – спросил Глен. В нем поднималась ярость.

– Ты педик, – выпятил челюсть Глюк и положил вторую ногу на стол. – Чего выпучился? Хочешь, чтобы отодрали? Любишь это дело?

– Давайте вломим ему!

Тут из-за угла возник плечистый охранник в камуфляжной форме и с резиновой дубинкой. Он охранял палатки, стоявшие на пятачке.

– Глюк, ты чего раскричался? – осведомился он.

– Да ничего, – тот сбавил тон.

– Ты чего клиентов распугиваешь? Сиди тихо, не то так покатишься отсюда, что дорогу забудешь.

– Да плевать мне на этого педрилу. Пусть покупает, что хочет.

– Ты сам педрила, – сказал охранник. – Закрой пасть. Чтобы я больше тебя не слышал. Ясно?

– Ясно.

Год назад Глюк решил показать, что он здесь в крутых, и вместе с приятелями сцепился с «зеленым» – так прозвали охранников. Подъехала милиция, так что до серьезной драки не дошло. Но на следующий день Глюка затолкали в машину, отвезли за город и избили. Страшно и умело. Без переломов, но очень больно. В следующий раз пообещали убить, если что. Глюк им поверил. Они уехали, а он топал до города двенадцать километров. Чуть не околел от холода. После этого при виде зеленой формы у него начиналась нервная трясучка.

Глен сунул пакет под мышку, взглядом исподлобья сфотографировал всю компанию и положил «фотографию» на полку в своей памяти: может понадобится.

Он понял, что за ним идут, когда пересекал бывшую баскетбольную площадку. Там они и нагнали его.

– Педик, погоди.

«Черт, – подумал Глен, – угрозило же выйти из дома без ножа». Он постоянно таскал с собой нож с выкидным лезвием, вся прелесть его заключалась в том, что он не считался холодным оружием, поскольку свободно продавался в ларьках, но отправить на тот свет им можно без особого труда. В его руках эта вещь уж точно была далеко не шуточной. Дело даже не в ловкости и силе, а в уверенности, что ты можешь убить. Глен – мог. Еще как мог.

– Чего, педик, раком хочешь или еще как-то? – дебилно заржал Глюк. Смех у его приятелей был не лучше.

От шпаны можно ждать чего угодно, поэтому, как ни душила Глена злость, он смог произнести примирительно:

– Парни, давай разойдемся мирно. Меня тут каждая собака знает. Две ходки.

– Испугал. Хоть двадцать две. А ты там тоже педиком был? – опять заржал Глюк.

– Ах ты тварь! – Глен все-таки вышел из себя. Он выхватил из пакета бутылку «Токая», разбил ее о железные поручни, зажав в руке острую «розочку». Он сделал шаг навстречу, и острое стекло со свистом рассекло воздух перед лицом Глюка. Тот отпрыгнул как ошпаренный.

– Ты чего, спятил, в натуре, да?

– Я тебя сейчас, суку, мочить буду! – крикнул Глен.

– Ты чего, псих, в натуре, да? – По петушину голосу Глюка было видно, что он уж и не рад, что связался с фраером.

Кто-то из компании вынул заточку.

- Ну, ты, брось, а то порежу!
- Иди сюда, если смелый! Давай, щень!

Парни расступались. Они начинали осознавать, что им лучше было поискать объект попроще. А Глен закусил удила. В такие моменты его ничто не могло остановить, даже инстинкт самосохранения отступал на второй план. Он готов был драться до конца.

– Ну, подходите! Перья у вас, да? Биться будем на смерть! Тройку из вас я замочу. А то и всех... Ну, кто первый?!

Глен выигрывал. Это поняли все. Он немного расслабился – и допустил ошибку. Сергей поднял с земли увесистую доску, крикнул: «Бей гада!» – и ударил Глена. Нанесенный наугад удар оказался удачным. Он пришелся по руке, и «розочка» упала на землю. Вся стая бросилась на жертву.

Глен впечатал кулак в губы Глюку, ощущая, как они превратились в кровавое месиво. Кому-то наподдал ногой. Парни действовали неумело, мешали друг другу. Наконец они достигли своей цели: Глен оказался на земле. Его стали охаживать ногами. Шобла свирепела с каждым ударом.

- Бей педика!
- Получай, гад!
- На тебе!!!
- Мочи его! – взвизгнул Глюк. – зуб выбил, сука! Кобздец тебе, фраерюга поганая!

«Убьют», – мелькнуло в голове Глена. Попытался встать, но его снова завалили. Он скрючился на земле, руками закрывая от ударов голову...

* * *

- Эй, пацаны, – послышался откуда-то издали чей-то голос. – Заканчивайте.
- Чего? Дуй отсюда! Тоже хочешь?
- Да бросьте, пацаны, зачем вы так?

Удары прекратились, и Глен, застонав, попытался приподняться, но его пинком в спину вернули на землю.

- Хватит, поиграли, и будя.
- Напросился, жиртрест! – крикнул Глюк.
- Бей его! – заорал ушастый Сергей, который не уставал повторять одно и то же.

Глен отполз в сторону. Воспользовавшись суматохой, он хотел скрыться. Внимание шоблы переключилось на высокого, казавшегося толстым и неуклюжим бородатого парня, который, несмотря на свои габариты, не представлял, казалось, большой опасности. Вокруг него начало сжиматься кольцо.

Первым получил удар Глюк. Рука бородача описала крутую дугу и с бильярдным треском соприкоснулась с черепом. Глюк взвыл и как подкошенный рухнул на землю, скорчившись от боли. Лопухий ударил бородача палкой по спине. Тут же в разные стороны полетели и палка, и лопухий. Удар ногой, направленный в промежность бородача, тоже пришелся мимо цели. Бородатый сгреб третьего нападавшего в охапку так, что у того лязгнули зубы, и с силой отшвырнул в сторону.

– Ты чего, жиртрест? – заскулил сидящий на земле Глюк.

– Я вас сейчас всех урою. – Бородач подобрал палку, пнул ногой одного из лежащих на земле хулиганов. И застыл с решительным видом.

Шобла начала приходить в себя и расползаться. Те, кто мог, припустились наутек. Глюк еле передвигал ноги и походил на битого под Полтавой шведа.

– Еще увижу – братскую могилу заказывайте! – пригрозил им вслед бородач.

– Ничего, мы тебе перо в бок вставим! – крикнул с почтительного расстояния Глюк и тут же растворился во тьме. Бородач подошел к Глену, тот уже стоял, прислонившись к забору. Челюсть у него болела, нос распух.

– Здорово они тебя, – сказал бородач.

– Ничего, пройдет.

– Вот мерзавцы, совсем распустились.

Он щелкнул зажигалкой, чтобы лучше рассмотреть спасенного.

– Глен, ты?

– Я. Здорово, Гена.

– Ничего себе, вот так свиделись.

– Свиделись.

– Ты неважно выглядишь... Слушай, Глен, пошли ко мне, приведешь себя в порядок, умоешься. Посидим, поговорим за жисть.

– Пошли.

Гена Брендюгин жил неподалеку от Глена. Так уж получилось, что после того рокового года они ни разу не виделись. Случается – живешь в соседних дворах и годами не встречаешься, хотя ходишь по одним улицам. А вот однажды Глен встретил в Москве человека, с которым в Коми спал на соседних нарах. И жил тот в Самаре. Его Величество случай.

В школе Глен с Брендюгиным считались приятелями. Брендюгин был флегматичным увальнем, привыкшим жить чужим умом. Он по-своему любил энергичного, острого на язык Глена, способного на самые необузданные поступки. Поступки эти, бывало, ставили на уши всю школу и делали его весьма заметной фигурой. Глен же тянулся к Брендюгину из-за его огромной физической силы. Тот был, пожалуй, самым сильным человеком в школе и не раз выручал Глена.

В десятом классе Брендюгин с головой ушел в спорт. Начал ездить по соревнованиям, делал успехи, и Глен потерял влияние на него. Что было с ним потом – Глену неизвестно. Его собственная жизнь полетела кувырком, тут уж ни до чего. Доходили слухи, что Брендюгин стал мастером спорта по самому подходящему для него виду – метанию молота, якобы даже оказался в сборной России.

– Подбери пакет, – сказал Глен. – Там бутылка «Амаретто». Может, цела.

Бутылка действительно не разбилась.

В подъезде воняло какой-то химией, все стены были расписаны непристойностями, кнопки в лифте почернели от копоти – кто-то упорно жег их. В общем, подъезд дома, где жил Брендюгин, до боли был похож на подъезд Глена и на тысячи других подъездов в городе. Почему-то именно в последние годы страсть к настенной живописи и превращению мест своего обитания в свинарник с необычной силой охватила народные массы. Зато дверь в квартиру Геннадия была новенькая, дорогая, металлическая. Значит, решил Глен, дела у школьного приятеля идут неплохо.

– Воров боишься? – спросил Глен.

– Жанна поставила. Жена.

– Она дома?

– Дома, – хмуро кивнул Брендюгин. – Только не у меня.

Повозившись, он открыл дверь. Они вошли в квартиру.

– А родичи где?

– В деревне. Дом купили – теперь там безвылазно. У матери хозяйство, куры да гуси. У отца – самогонный аппарат. Довольны.

– И ты, наверное, доволен. У тебя здесь хата пустая.

В квартире было уютно. На ней лежала печать домовитого хозяина с умелыми руками. Все чисто, отремонтировано. Двери не скрипят, краны не протекают. Глен был тут лет девять

назад. Мебель была та же, за исключением кресел, дивана и журнального столика. Появилась и электронная всячина: видик, корейский телевизор, музыкальный центр, видеоприставка «Сони».

– Ты, что ль, играешь? – Глен кивнул на электронную игру.

– А чего еще делать? Интересно.

Глен прошел в ванную, умылся, осмотрел свое лицо, ощупал тело. Отделался он сравнительно легко. Сотрясения мозга вроде нет. Разбитый нос, припухшая челюсть, кровоточащая губа и ноющие ребра – не слишком суровые последствия такого молотилова.

– Сопляки, – процедил Глен сквозь зубы. – Разве так бьют?

Он видел, как бьют на зоне – профессионально, методично, с четко заданной целью. Могут несколькими ударами опустить почки и сделать инвалидом, могут убить, а могут просто причинить боль – в назидание. Глена самого так били. И он бил, правда, без особого умения. Есть целый свод правил – кого, за что и как бить. А эти сопляки просто развлекаются.

– Ну как? – спросил Брендюгин.

– Живой.

– Садись в кресло, я тебя осмотрю.

Глен послушно сел, и Брендюгин со знанием дела осмотрел его, прощупал ребра, кости. Кое-чему, занимаясь спортом, он научился.

– Более-менее. Ничего серьезного, – сделал он заключение.

– Похоже, что так.

– Сейчас сооружу закуску. Подожди немного.

Брендюгин выставил на стол «Амаретто», бутылку «Посольской» и отправился на кухню. Вскоре оттуда потянуло приятным запахом. Брендюгин любил и умел готовить. Он решил сделать свой фирменный омлет с ветчиной, лимоном, зеленью и всякой всячиной.

– Ну что, по маленькой? – спросил он, ставя сковороду на столик рядом с разложенной на тарелках закуской.

– Давай.

– За то, что еще один день прожили, – поднял Глен хрустальную рюмку.

– Как в армии: день прошел, и хрен с ним, – хмыкнул Брендюгин.

– Почти что.

Водка обожгла Глену горло. Бр-р, дрянь какая... Через несколько секунд, однако, стало хорошо, по телу прокатилась теплая волна.

– Хорошо пошла.

– Эх, Глен, сколько мы не виделись! Я тебя часто вспоминал.

– Добрым матерным словом.

– Да нет. Можно даже сказать – скучал по тебе. Поверишь?

– Я тоже вспоминал. Хотелось увидеться, – не моргнув глазом соврал Глен.

– Когда та ерундовина произошла, я верил, что ты не виноват.

– Правильно, не виноват.

– Многие считали, что это ты сделал. Я же знал, что ты не мог.

– Правильно, не мог.

– Индюкатор все. Он ведь со сдвигом по фазе был.

– Ладно, – оборвал его Глен. – Чего старое вспоминать. У тебя что? Как жил?

– Более-менее. За сборную выступал. Слышал?

– Как не слышать. Знаменитость городская.

– Потом травма была. Серьезная. Пока оклемался, меня со счетов списали. Я не из незаменимых был. Спорт – это гонка. Прозевал, сдал позиции – и ты уже в хвосте. Догоняй, рви живот. А мне не захотелось. Надоело. Я и ушел.

– Правильно сделал. Труда – тонна, а платят копейки.

– Что-то все-таки имел. Загранпоездки, барахло – в те времена за счет этого можно было безбедно жить. Не то что сейчас. Кое-что заработал. Потом на Жанне женился. Красивая девка была, студентка педучилища. Но сомнение, запросы – это нечто. Она меня подбила на челночные рейсы в Европу. Я в компанию еще Владика взял. Он из нашего клуба, легкоатлет-марафонец, мастер спорта. Тоже со спортом завязал. Дело выгодное оказалось. И шмотки возили, и золото, и машины перегоняли. Вон, «пятерка» под окном – моя. «Ауди» Жанна забрала, зараза.

– Долго челночил?

– Не очень. Но про это без рюмки не расскажешь. Давай еще по одной.

– Мне немного.

– Много – немного... Давай по полной. За то, чтобы у нас все было и чтобы нам за это ничего не было.

Глен честно проглотил содержимое рюмки, а она была не из маленьких. Его начало развонять. Окружающее все больше отдалялось от него и теряло четкость.

– Ну а дальше? – спросил Глен. – Тебе кто-то по рукам дал?

– Если бы! – Брендюгин взял бутерброд с колбасой, целиком засунул во вместительный рот и, жуя, произнес: – Завалил я одного в Польше.

– Как завалил?

– Там такой бардак. Нашего брата обирают все, кому не лень. Поборы, рэкет. Кто этим только не занимается – и славяне, и черные. Но очень крепкие позиции в рэкрете у чечни были. Польской полиции на все плевать не наплеваться. Хуже, чем наша ментовка, – никогда помощи не допросишься. Одного парня у нас чечены выпотрошили, он к полякам в полицию. Так ему же они и морду набили. Мол, нечего ходить, развелось вас, русских, во все времена от вас Польше одна беда. Вся надежда на себя. Мы с ребятами кучковались. К нам никто не лез. А тут вдвоем с девкой в дорогу отправились. Машину перегонял. Тут нас на двух тачках прижимают к обочине. Их пятеро. Чечены, мать их! Вытащили нас из машины. Двое меня за руки держали, двое лупили. У одного ствол был, он все мне им в зубы тыкал. Им машина нужна была, а с нами они просто развлекались. Стали советовать, что с нами делать – мочить или не надо. Решили меня отпустить, а спутницу с собой взять, в лесок. Понятное дело, для чего. Я человек спокойный, но иногда могу взбеситься. И взбесился. Тех двоих с рук стряхнул, а тому, с пистолетом, от души промеж рогов засветил. Он успел на курок нажать, но пуля вверх ушла. Тут другой чечен в карман полез, за пушкой... Ну, я его и завалил. Насмерть. Мы с Нинкой в машину и по газам. По дороге пистолет в речку выбросил. После этого с поездками пришлось завязывать.

– Ты же оборонялся. Чего тебе было бояться?

– Виноватым сделать невиновного – у них это быстро. Да дело даже не в полиции. Я вообще сомневаюсь, что они труп нашли. Просто чечены эти там, за границей, круто себя поставили. А мне на пулю нарываться не резон.

– Потом что?

– Потом Жанна ушла к Владика, бегуну этому хренову. Они фирму открыли. ТОО «Жанна». На мои деньги. А меня побоку.

– Все деньги заграбастали?

– Все не все, но...

– Ты это просто так оставил?

– А что делать? Пообещал я им небольшой шторм на девять баллов. Жанна такая сучка, у нее тоже есть чем на меня надавить. Полаялись, поматюгались. Они мне согласились отступного дать. Разошлись.

– Чем ты теперь занят?

– Ничем. Куда идти? На завод? Заводы все закрываются, своих не знают куда девать. Да и у станка стоять не собираюсь. В продавцы? В охранники? Тоскевич... Да и вообще пахать неохота. Я в спорте за десятерых отпахал... Так и живу. Проживаю остатки.

– У меня тоже пусто. С сегодняшнего дня.

Хлопнули еще по полрюмки. Брендюгин тоже начинал пьянеть.

– Бабки почти вышли, – пожаловался он. – Скоро зубы на полку... Слушай, Глен, может, в крутые пойти? На большую дорогу? Сколько с таким кулаком, – он продемонстрировал свой кулачище, – тугриков наколотить можно?

– Мысль неглупая.

– Да ладно, я шучу.

– А я нет.

– Не шутишь? Серьезно, что ли?

– Серьезно.

– Ну, тогда давай еще по одной.

После первых рюмок Глен еще контролировал себя, но теперь совсем опьянел, язык стал заплетаться, появилось это дурацкое желание излить душу. Раньше такого с ним не было. А сейчас он выложил Брендюгину о себе почти все.

– Глен, дружище, – пьяно всхлипнул Брендюгин, выслушав исповедь, – эх, если бы я там был... Я бы их всех... В бараний рог...

– Суки... Слушай, а тебе того чечена не жалко было, которого ты угрохал?

– Мне? Эту обезьяну? Я бы его еще раз угрохал. И всех остальных обезьян.

– Правильно. И мне их не жалко. Я их убью... Пальцы, суки, оттяпали. Убью.

– И правильно. И убей. И поделом.

– И того козла, который на меня сегодня со своей шоблой накинулся, – тоже убью.

– И правильно. И убей.

– Убью.

Брендюгин, конечно, не заметил, что, произнося эти слова, Глен протрезвел. И говорил вполне серьезно...

* * *

«УВД на железнодорожном транспорте. Сводка происшествий за оперативные сутки.

В 0 часов 30 минут в полосе отчуждения железной дороги, под мостом, на шестом километре западной линии обнаружен труп неизвестного мужчины двадцати – двадцати пяти лет на вид, с множественными телесными повреждениями, характерными для железнодорожной травмы.

На место происшествия выезжали: начальник уголовного розыска ЛОВД Ломакин, СОГ в составе старшего оперуполномоченного УР Бабакина, эксперта-криминалиста Вострякова, судебно-медицинского эксперта Павлова...»

– Чего ты кипятишься? – Павлов снял резиновые перчатки и почесал щетинистую щеку.

– Я к тебе, Терентий, уже третий день хожу, – возмутился Антон Бабакин. – Все-таки труп. Это тебе не хухры-мухры.

– От кого я это слышу? Зеленка! Через эти руки прошло столько жмуриков – ты до столькох и считать не умеешь. Столько шуму из-за одного несчастного тела.

– Нужно решение принимать по проверке!

– Ну, так принимайте.

Павлов, как обычно, был слегка навеселе. Судебный медик и должен быть таким – слегка поддатым, болтливым, циничным. Сколько Антон повидал этой публики – всюду она такая. Работа обязывает. Павлов страсть как не любил бумаготворчество. Он гораздо лучше вла-

дел скальпелем и электрической пилой, чем авторучкой и пишущей машинкой. Заключение он порой писал месяцами. Немало имелось проверочных материалов, а то и уголовных дел со справкой: «Заключение находится у судебно-медицинского эксперта. С его слов, характер телесных повреждений следующий...»

– Сегодня материалы должны быть у прокурора. С заключением судебно-медицинской экспертизы!

– Какую ты церковно-приходскую школу заканчивал? Экспертиза назначается после возбуждения уголовного дела. Для вас же возбудить его – мука мученическая. Вам для этого труп с финкой в сердце нужен. Да и то будете сомневаться – а не мог ли он сам на нож упасть восемь раз? Не любите вы, сыщики, работать.

– Зато ты обожаешь. Где акт?

– Сейчас сделаем.

Павлов стянул халат с пятнами крови, ловко бросил его на стоящий в трех метрах от него стул. Они прошли в кабинет. Там Павлов открыл холодильник и вынул мензурку с медицинским спиртом, соленый огурчик. Выпив и закусив, сказал Антону:

– Садись за машинку. Заключение печатать будешь.

– Ну-у, вы совсем здесь обнаглели! – заартачился тот.

– Тебе же нужно. Я могу и подождать.

Антон, вздохнув, уселся за машинку.

– Печатай. Судебно-медицинский эксперт Т. П. Павлов, рассмотрев материалы...

Антон печатал быстро, почти так же, как Павлов надиктовывал. Через полчаса эксперт предложил:

– Передохнем?

– Передохнем.

Антон начал разминать пальцы, потом вытянул ноги и откинулся в вертящемся мягком кресле. Павлов извлек на свет божий еще огурчик и мензурку.

– Антон, меня все-таки этот случайстораживает. По-моему, некоторые повреждения не укладываются в картину железнодорожной травмы.

– Что это значит?

– Это значит, что некоторые повреждения он мог получить перед тем, как поцеловался с паровозом.

– То есть под поезд его кинули?

– Не знаю. Тебе это виднее.

– И что дальше?

– А меня это касается? Мое дело кишки потрошить да кости пилить.

– Точно сказать, что это за повреждения, ты не можешь?

– Трудно. Это больше мои интуитивные догадки. Можно попытаться, но...

Антон был молод, полон сил и энтузиазма. Пользуясь тем, что в линейных отделах милиции нагрузка меньше, чем в территориальных ОВД, он имел возможность выкроить время на эту проверку. Личность погибшего ему удалось установить без труда. Один из участковых Заречного района сразу опознал его. При этом Антон что-то не заметил выражения горя на лице участкового. Даже приличия ради.

Покойный оказался Галкиным Николаем Ивановичем, кличка Глюк, 1986 года рождения, дважды судимым – статьи 158 (кража) и 213 – злостное хулиганство. Оба раза наказание было условным.

– А как такое может быть – два раза условно? – удивился Антон.

– Сейчас все может быть, – зло сказал участковый. – Ты у судей спроси. Они скоро и десять судимостей условно будут давать. Добренькие. За чужой счет. А что эта скотина жить никому не давала – их не волнует.

Антон восстановил, как Галкин провел свой последний день. А провел он его по привычному для себя распорядку. Проснулся в десять. Опохмелился. Пожрал. Послонулся по городу. К вечеру вытряс из матери-пенсионерки пару сотен, при этом для порядка наградил ее несколькими тумачами. Потом сидел с компанией во дворе детского сада, раздавили две бутылки водки, потискали девчонок из соседнего рабочего общежития. Потом пошел домой, путь его лежал через полотно железной дороги. Больше его живым никто не видел.

Удалось найти машиниста товарного поезда. Он вспомнил, что у моста был удар по тепловозу. Но никого он на рельсах не видел. Оно и неудивительно. Глюк мог выскочить на рельсы прямо перед поездом из-за опоры моста.

– Ломакину позвоню, – сказал Антон.

– Позвони, позвони, – закивал Павлов.

Антон набрал номер.

– Где ты? – спросил начальник розыска.

– У Павлова.

– Он акт подготовил?

– Нет.

– Во пьянь. Управы на него нет.

– Сидим, печатаем.

– К вечеру нужно – кровь из носа. Мне уже прокурор звонил.

– Терентий не до конца уверен. Он говорит, некоторые травмы не похожи на железнодорожные.

– Чего?!

– Галкина могли оглушить и бросить под поезд.

– Ты чего городишь?

– А что, не могли?

– Павлов может дать четкое заключение о том, какие травмы, чем причинены?

– Говорит, трудно. Интуитивные догадки.

– Ты что, Антон, офонарел? Три дня мы собираем материал по несчастному случаю, в ус не дуем, а ты мне заявляешь, что нужно разрабатывать версию убийства. Скажи Терентию, чтобы опохмелился.

– Он классный эксперт.

– Его иногда заносит. Да и как ты при таком расплывчатом заключении представляешь себе следствие? Положим, отыщем мы злодея – что предъявим? Интуицию Терентия? Повесим глухое убийство на отдел, и только. В общем, или пусть он дает подробнейшее описание этих травм, или не компостирует мозги. Договорились?

– Договорились. Но если...

– Что «если»? Никаких «если». Сдохла мразь какая-то, все только рады, даже мать. И на кой нам из этого факта дело века делать? Все. Жду с актом.

Антон положил трубку.

– Ну? – спросил Павлов.

– Сказал, чтобы мы не маялись дурью.

– Ну и ладно. Плевать мне на все. Пиши: смерть наступила в результате железнодорожных травм, других телесных повреждений не имеется. Напечатал? Давай. Вот тебе моя подпись. А вот печать.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено в тот же день. По факту, как положено, в течение трех суток было принято решение. Прокурор его утвердил. Галкина кремировали. На похороны его пришел кое-кто из окрестной шпаны, но нельзя было сказать, что присутствующие были раздавлены обрушившимся на них горем. Для порядка пара

девчонок пустили слезу. Вскоре о Глюке забыли. Он пришел в мир, чтобы прожить тупую, бессмысленную жизнь. Господу не было угодно, чтобы она длилась долго.

* * *

– Сявый, ты?

– Глен! Здрасьти-мордасти.

Гусявин со стуком поставил кувшин с пивом на стол, за которым сидел Глинский. В пивбаре «Садко», прозванном в народе «На дне», было так накурено, что в дыму, как в лондонском тумане, угадывались лишь контуры предметов. Однако друг друга давнишние знакомые срисовали безошибочно.

– Не возражаешь, Глен, если я с тобой покалякаю за жизнь нашу скорбную?

– Прилунайся.

– Пейте пиво пенное – будет морда охрененная, – продекламировал Сявый и отхлебнул из кувшина. – Давно не виделись. Где был, что видел?

– Вышел в прошлом году.

– А я в этом. Покорение Ермаком Сибири. Ты где куковал?

– В Коми.

– Считаю, что дома. А я в Иркутской области. Мебельный комбинат. Натруживал мозоли на моих артистических руках.

– Ну и как тебе возвращение?

– Тут на воле натуральный психодром. Все кувырком.

– В этом вся прелесть. Ты еще не расчухал.

– Расчухаю. Весь мир будет лежать у моих ног.

– Ты всерьез в это веришь?

– Когда вышел из зоны, вдохнул воздух свободы – верил. Первые десять минут.

– Чем хочешь заняться?

– Поглядим – увидим. Не в воркеры же на резиновый комбинат идти. Арбайтен унд копайтен – нет, браток, это не моя стезя. Присмотрюсь, приценюсь, а потом мир вздрогнет от моей тяжелой поступи.

– Где устроился?

– Не к бабке же своей идти на десять коммунальных метров. Прописался там, а так пристроился к одной мамзели. Мечта поэта – нежна, тонка, возвышенна и обожает твоего покорного слугу... Видишь, куртка новая. Вместе выбирали. А она платила. Я не мог обидеть и отказать ей в возможности сделать мне подарок.

У Гусявина на самом деле налаживались дела с библиотекаршей. В первый визит он сумел произвести впечатление, был сдержан, в меру задумчив и грустен, остроумен, но не навязчив. Она заглотнула наживку. «Одинокая женщина – забава, игрушка и прихоть в чужих руках», – говаривал Штепсель, а он уж понимал в одиноких женщинах: значительная часть его воровской карьеры была связана с ними.

– Никак в брачные аферисты подался, Слава?

– Это звучит вульгарно. А вдруг у меня любовь? Вдруг свет ее лучистых глаз пробудил во мне дремлющие добродетели?

– Трепаться ты всегда горазд.

– У тебя-то как дела?

– С бабами тоже неплохо. С бабками хуже.

Прошел месяц с того момента, как Медведь ткнул Глена мордой в грязь. Дела его с каждым днем были паршивее и паршивее. Чем заняться? Наркотой? Не самому же на рынке стоять – там своих желающих достаточно, быстро желание отобьют. А приторговывать партиями – тут

ему кислород перекрыли. На работу пойти, бизнесом заняться? Как Брендюгин – в челноки? Грязные вагоны, теснотища, заплеванные и запущенные вокзалы, мешки с товарами, рынки. Поищите других идиотов. В торговлю и предпринимательство пойти здесь, в городе? Так он ничего не умеет, нет у него коммерческой жилки. А в фирме кому он нужен со столькими судимостями. Есть фирмы, правда, куда без судимостей не берут, но после того, как с Медведем полаялся, шепоток прошел, что с ним лучше не связываться, слишком он ненадежный.

А вот с бабами, точнее, с бабой, было все в порядке. Ему не понадобилось много времени, чтобы затащить в постель Карину – ту дурочку, с которой он сидел у кабинета хирурга. На «сексодроме» она была очень неплоха, слово «стыд» для нее превращалось там просто в бессмысленный набор звуков. В постели они доходили до какого-то животного безумия. Утром говорить с ней было не о чем. Глена совершенно не занимали рассказы о ее делах в техникуме и о подружках, которые подрабатывают около «Интуриста» и гребут доллары пачками. Глен никогда не считал себя валенком. Он любил хорошие книги, хорошие фильмы, хорошую музыку. Карина бесила его своим полным равнодушием ко всему этому. Но постель все испугала. Иногда Глен ловил себя на мысли, что в особо страстные моменты ему хочется сжать пальцы на ее тонкой шее и сжимать их до тех пор, пока не захрустят позвонки, пока не выкатятся глаза и не вывалится язык. И еще нередко ему хотелось ударить ее. Однажды он и ударил. Он всегда рано или поздно бил своих девчонок. В этом была одна из главных прелестей общения с ними.

– Не хочу больше с тобой! Уйди! – крикнула она.

– Такими шлюхами город полон! – Он хлопнул дверью, уверенный, что уходит навсегда.

А она позвонила ему вчера.

– Давай обо всем забудем. И встретимся.

– Ладно, – сквозь зубы процедил он.

– Семен, ты такой парень! Ты так мне нравишься! Извини меня.

– Больше так не делай.

Он ловко переложил свою вину на нее. Точнее, переложила она сама. И оттого все больше попадала к нему в кабалу...

– Ты чего, обобрать свою телку решил? – спросил Глен.

– Ты плохо обо мне думаешь. Поживу, отогреюсь душой и телом, а там посмотрю.

– А может, женишься... Хорошая жена, хороший дом – что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?

– Ерики-маморики, ну ты выдал! Знаешь, Глен, я порой удивляюсь на этих баб. Хорошо, я – порядочный, честный вор, джентльмен. А была у нас на зоне одна муда с пруда – мы об него ноги вытирали. Очень уж у него статья паскудная была. Похож внешне на одного академика, его по телевизору показывали – кажется, Арбатов. Так вот, этот козел тоже написал в газету заявку на телку. «Ищу невесту». Приехала к нему матрешка из Вологды, а у нее еще прицеп – две дочки, девяти и одиннадцати лет. В колонии брак зарегистрировали. Слушай, о чем эта дебилка думала? Ведь он рано или поздно девок в дело пустит. Он же маньяк натуральный.

– Черт с ними. Тебя это беспокоит?

– Обидно, когда козел какой-то над детьми издеваться будет. Неправильно это.

– Пусть издевается. Каждый имеет право делать что хочет. Если, конечно, имеет возможность. Хватит у него духу на это – честь ему и хвала.

– Ерики-маморики, это ты, Глен, не туда погреб.

Он вытащил из пакета две воблы, одну дал приятелю. Тот принялся за рыбу, разделять ее мешало отсутствие двух пальцев. Раны еще не зажили до конца.

– Кто тебе плавник отгрыз?

– Бывали дела, – отмахнулся он. Но потом выложил все.

– Хорошо они тебя. Кто – не в курсах?

– Не знаю.

– Это тебя точно еще на зоне поучить решили. У нас был такой случай. Одного наказали. Только он сам руку на пилу положил. Знал свои грехи.

– Во дает! – Глен передернул плечами. Ему трудно было представить, что кто-то мог сам положить руку на циркулярку.

– А одного бросили прямо в лесопилку. При разборе сказали, что сам упал.

– Ну тебя с твоими страшилками!.. Сявый, ты, наверное, всех в городе знаешь?

– Меня два года не было.

– Все равно ты в авторитете. Попытайся узнать, кто меня так.

– На хрена козе баян?

– Пригодится.

– Попытаюсь, – без особого подъема сказал Гусявин.

– Я в долгу не останусь...

Каждый выпил уже по полтора литра пива. На Гуся-вина, как всегда после такой дозы, нашло минорное настроение.

– Не нравится мне на воле, Глиня. Смотри, корефаны бывшие от жира лопаются, космогоническими бабками ворочают. Ссучились все. Никакая дружба, ничего не имеет значения. Не успел в колею попасть, хапнуть – отодвинься, не занимай проход. Чувствую, не приживусь я. Опять придется по квартирам лазить. Ткнулся в несколько мест – без толку.

– А чем плохо по квартирам лазить?

– Опасно. И не шибко наваристо.

– Смотри куда лазить.

После еще одной кружки Глен задумчиво протянул:

– Каждый имеет то, чего достоин. Делает то, что может.

– А почему мы ничего не можем? Я кое-что, Глен, задумал. Правда, это не совсем удобно. – Лицо Гусявина после минутного сомнения просветлело. – А-а, где наша не пропадала! Неудобно на потолке спать – одеяло сползает. Есть у меня наколка. Нужно, чтобы было, кому все прибрать.

– Найдем, если дело стоящее.

* * *

Сигарета, сигарета,
Ты одна не изменяешь...

Карликов обожал старые песни. Ему до смерти надоели попсовые шлягеры, которые с утра до ночи гоняли на работе – в ресторане «Русская изба». А эта песня так песня – за душу берет.

Он отбросил легкое одеяло (Голландия!) и потянулся к инкрустированной дорогими породами дерева тумбочке. Надо все-таки дочитать эту книгу. В свое время на того, кто не читал «Мастера и Маргариту», в приличном обществе смотрели как на недочеловека: да умеет ли он вообще читать?

Сейчас, правда, многое изменилось. Теперь вообще никто не считает, что приличный человек обязан уметь читать. Приличный человек должен иметь много «зеленых», в крайнем случае, «деревянных», именоваться дилером или менеджером и владеть собственностью. Зачем уметь читать, если есть видик и телевизор «Сони» на полстены, по которому тебе скажут все, что тебе надо знать. Кстати, ту же «Мастера и Маргариту» покажут, только куда интереснее,

потому как Маргаритка там сиськами своими эффектно так играет... Да, грамота приличному человеку нужна, чтобы уметь прочесть и подписать договор...

В Карликове всегда жил дух противоречия. Правда, не настолько сильный и наглый, чтобы мешать ему жить, но вполне достаточный, чтобы иногда втихую напомнить о себе. Иногда ему хотелось делать то, что другие считают ненужным. И теперь, когда уровень окружающих его субъектов стал быстро приближаться к пещерному, он двигался вспять. Для чего и нужен был булгаковский роман, о котором он привык умно рассуждать и давать оценки композиции, стилю, отдельным эпизодам – в компании с журналистами, кандидатами наук, даже порой с достаточно известными писателями, – его, как и других, водили в «приличное» общество в качестве забавных зверушек. Вдруг оказалось, что «Мастер и Маргарита» действительно недурная книга и зря он откладывал ее раньше, раз пять, когда честно пытался приняться за ее освоение.

– Витя, кофе готов. Тебе с лимоном?

– Нет. Пять капель коньяка и пару бутербродов с датской салями. Не перепутай – с датской, а не с финской.

Карликов открыл книгу, прочитал страницу. Но настроение было не для чтения. Он откинулся на мягкую спинку кресла.

Его взгляд скользил по предметам обстановки. Резная горка с фарфоровыми фигурками, веджвудским столовым сервизом, безумно дорогим кузнецовским фарфором. Он ничего не покупал наобум. За небольшую плату консультировался у пожилого, постепенно спивающегося специалиста Акима Мироновича. Недавно Карликов узнал, что деньги можно вкладывать не только в золото, антиквариат, недвижимость, но и в книги.

Как-то он увидел в букинистическом магазине серую брошюру с идиотским названием «Небесные верблюжата». Имя автора – Елена Гуро – ничего Карликову не говорило. Стоила эта брошюра под шестьсот баксов. Вскоре по рекомендации продавца «Букиниста», толстомордого Альберта, он нашел консультанта и в этой области – слегка картавящего старичка библиофила с седой бороденкой. Михаил Львович долго мог объяснять, что значат для человечества книги «Садок судей», «Танго с коровами». Нужно быть полными идиотами, чтобы так называть книги, – в этом Карликова никто не мог переубедить. Но еще большими идиотами надо быть, чтобы платить за эту галиматью, которую не заставишь прочесть ни одного человека, если, конечно, он не обладатель справки от психиатра, сотни тысяч и даже миллиона долларов, а именно во столько оцениваются они на международных аукционах. Сам Карликов такого собачьего бреда никогда не читал. Но эти серые брошюры двадцатых годов были очень хорошим вложением капитала.

Карликов зевнул, повел плечами, опять зевнул, сунул ноги в тапочки фирмы «Симод».

– Валентина, я иду пить кофе.

Холеный пушистый ленивый кот Семен Семенович, коротко – Сэм, потянулся и прошествовал в комнату. Его дымчатый хвост распушился и стал чуть ли не толще туловища. Неожиданно резво Сэм вспрыгнул на крышку довоенного немецкого пианино «Schmidt und Sohn», оттуда фыркнул на американского кокера Армстронга, с которым был вынужден делить эту квартиру.

– Я тебе!.. – Карликов лениво погрозил пальцем пушистому любимцу.

С кухни доносился неповторимый аромат только что сваренного свежесмолотого кофе, предварительно поджаренного в духовке по всем правилам.

Карликов примостился на красном, гармонирующем с белой кухонной мебелью диванчике. Кухня была оборудована по высшему классу. Комбайн, машинка для открывания консервов, кофемолка с дистанционным управлением. Валентина шага теперь не сделает без всей этой техники. Тарелку не вымоет, если вдруг заело моечную машину «Крупс». Так и должно быть. Прошли те времена, когда нужно было скрывать свои деньги. Теперь никого ничто не

волнует. Никого не интересует, на какие такие шиши возводит обычный русский бармен Карликов под городом дом с пятью балконами. И никого не колышет, что у Карликова новенький «Вольво» и еще «девятка». Раньше обэхээсники при самом лучшем к нему отношении все равно встали бы на дыбы: зарвался, мерзавец! Самые крутые цеховики скромно ездили на «Запорожцах», и не горел у них в груди пламень амбиций, потому что знали – высовываются только дураки, которым надоела свобода. Это шелупонь всякая, кепкари кавказские, норовила на «Форде» или «Волге» подкатить, да и то боялась. Сейчас все, проехали. Сколько напер – можешь все напоказ выставить. Если рэкета не боишься.

Карликов вытянул ноги. Обычно после смены они гудят и ноют. Не так-то легко простоять несколько часов. За просто так деньги не платят... Он подумал, что любит эту жизнь, и не против, если она протянется как можно дольше. Поэтому он в последнее время вплотную занялся здоровьем. Валентина тоже была солидарна с ним. Они не пили, не курили. Лишь изредка он позволял себе выкурить сигаретку «Данхилл» да вечером пропустить глоток коньяку «Двин», «Реми Мартин», на крайний случай полстаканчика портвейна «Крымский южнобережный». Каждый год – санаторий, где тщательнейшим образом выполнял все назначения врачей. Два раза в неделю – бассейн с услугами Эльзы, прекрасной массажистки. Ну а еще для успокоения нервов в прошлом году – круиз по Средиземному морю на пароходе «Тарас Шевченко» в каюте люкс. В этом году будет Италия. Почему известный режиссер сказал, что так жить нельзя? Так жить можно!

Карликов благоговел перед стильной жизнью и хорошими вещами. Он много думал над этими вопросами. Он не отрицал, что существуют вершины духа, экстаз и просветление через отречение от мирских благ. Он понимал, что есть люди, живущие высокими, воистину духовными интересами, быть может, более полнокровно. Пусть себе летают в космос, покоряют океанские глубины, делают научные открытия, медитируют при луне или изводят себя постом. Каждому свое. Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Карликов трезво оценивал себя, нередко подшучивал над своей фамилией. Великанову – великаново, а Карликову – карликово. Он – торгаш. Ради хорошей еды, хороших вещей, веселого времяпрепровождения он плюнул на свою первую профессию, отказался от аспирантуры, от мысли стать ученым-химиком, хотя у него были явные способности.

Он устроился в магазин. В обычный продовольственный магазин обычным продавцом. Умный, обаятельный, напористый, образованный, вскоре он стал завсекцией, потом завмагом. Подворовывал потихоньку, получал раз в восемь больше, чем на прошлой работе. Но когда стал начальником, будто с цепи сорвался. Когда все само пошло в руки, захотелось хапать больше и больше. Он потерял чувство меры. Познакомился с очень солидными людьми, машинами принимал левый товар, крутил большие средства. И едва не сломал себе шею. Влетел. В Ленинграде началось крупное хозяйственное дело, которое концом зацепило и его. Просидел год в СИЗО.

Вовремя подоспела пора остервенелой борьбы за права человека. Во все горло антисанитарные типы начали драть на митингах глотки о жертвах экономических репрессий. Аппарат МВД и прокуратуры был деморализован. Их авторитет порядком подмочен. Карликову удалось поднять шумиху вокруг своего имени, протолкнуть пару статей в газетах о том, как отдел по борьбе с экономическими преступлениями травит опытного хозяйственника, не жалевшего сил, чтобы накормить жителей района. Да и сами жители накатали петицию – мол, при Карликове в магазине все было (что полностью отвечало действительности), а как посадили – ничего не стало. Пришлось подмазать кое-кого в Москве. И получилось почти как в стихотворении Пушкина: оковы пали, и свобода встретила Карликова у входа.

Вот только братья меч ему не отдали. Он оказался выкинутым на обочину, почти без денег – они все ушли на освобождение. Ему посоветовали не мельтешить и залечь на дно... Он устроился барменом в «Русскую избу». И работал там уже больше четырех лет. Конечно,

место не самое лучшее для него. Но после тюрьмы он не хотел лезть ни в какие серьезные дела, создавать свою фирму. Между тем некоторые связи у него остались, и помимо мытья фужеров и разливания спиртных напитков иностранцам и нашим «долларовладельцам», что само по себе приносило вполне приличный доход, он успешно провернул несколько дел с импортом. Теперь он обдумывал, как бы влезть в одну операцию с приватизацией нежилых помещений и помещений убыточных предприятий. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, – лишь бы вышло...

Приятные размышления прервал звонок в дверь. Интересно, кто это? Никого ведь не ждал. Наверное, тот молодой человек с охрипшим голосом. Ну что же, его визит не принадлежит к категории неприятных.

– Валя, спроси, кто.

Валя, в махровом халате, удачно распахнувшись на маленькой соблазнительной обнаженной груди, кивнула, затянула пояс и плавно прошествовала к двери.

Они женаты уже шесть лет, но у Карликова при взгляде на ее прелести неизменно возникало желание. А разве может быть иначе? Жену он выбирал, как покупал вещь – фирма, дизайн, гарантия. Он был тогда на взлете и имел возможность выбирать, что хочет. Когда у него начались неприятности, между ними пробежал холодок. Валю не вдохновлял подвиг жен декабристов, она выходила за богатого торгаша, заведующего магазином, а не за заключенного, которому предстояло неизвестно сколько лет париться на нарах. Однако все уладилось. Теперь Валя работала заведующей баней-сауной «Райское наслаждение», зарабатывала там неплохо, тратила гораздо больше, потому что валютный продмаг и элитные шопы немало стоят. Она могла прийти вечером и с очаровательной улыбкой продемонстрировать костюм, за который выложила только что тысячу долларов: «Дороговато, конечно, но зато как идет». Карликов соглашался, что костюм действительно изумительный, и смирялся с тратами. В конце концов – не первые и не последние.

– Витя, там какой-то парень. Говорит, что он от Валентина Семеновича.

– Спроси, как зовут.

– Володя.

Этот Володя позвонил вчера, сказал, по поручению Валентина Семеновича Давыдченкова должен встретиться, чтобы передать три монеты для коллекции. Володя намекнул, что монеты ценные, провезены контрабандой, поэтому лучше увидеться с глазу на глаз... Карликов баловался и собиранием монет. В них он тоже не разбирался, как в книгах и антиквариате. Но зачем разбираться, когда всегда можно спросить совета специалиста? Само слово «коллекция» вызывало в нем приятный зуд, коллекционирование увлекало его все больше и больше.

Пока Валя возилась с многочисленными запорами, Карликов накапал несколько капель «Двина» в черный кофе, подцепил серебряной вилочкой дольку лимона, присыпанного сахарной пудрой, и решил уже было отправить его в рот... Да так и остался сидеть с открытым ртом.

Если бы имелась у него в этот момент возможность предаться философским размышлениям, он подумал бы, насколько же на самом деле иллюзорны и хрупки незыблемость, уют созданного им мирка. Этот самый мирок может быть разнесен одним взмахом железного меча судьбы, одним ударом невесть откуда свалившихся на него враждебных сил. Но времени на такие размышления у него не было. У него не было времени даже хорошенько испугаться. Он просто окаменел.

Сперва послышался удар, за ним вскрик, приглушенные голоса.

– Молчи, сучка, если жить хочешь.

Раздался звон стекла. «Это ваза, что в коридорчике. Китайская, девятнадцатый век, тысяча двести долларов», – мелькнула мысль.

Потом на кухню ввалились гости. Их было двое. Два «фантомаса». Затянутые в чулки физиономии с приплюснутыми носами и прижатými ушами выглядели жутковато. Карликов захлопнул рот. Замершее сердце рухнуло и застучало как бешеное где-то в районе солнечного

сплетения. Один из «фантомасов», имеющий габариты шкафа, держал за шею Валю. Второй, поменьше, но явно шустрее, бросился к Карликову, локтем прижал его к стене и прошипел:

– Сиди тихо, не то замочим.

– Понял, – произнес Карликов каким-то чужим голосом из самой глубины своего существа.

Валя умудрилась вцепиться зубами в руку шкафообразного «фантомаса», зажимавшую ей рот. «Шкаф» на миг отпустил ее и встряхнул прокушенной ладонью. Тут худой подскочил к ней, ударил ногой в живот и кулаком в лицо. «Шкаф» снова зажал ей рот.

– Убью, прощановка! – прикрикнул худой. – Если что, сверни ей к чертям шею.

– И сверну, – угрожающе произнес тот, впрочем, без особого энтузиазма.

Тут Карликов, к которому возвращалась способность соображать, острым глазом и чутьем опытного торгаша определил расстановку сил. За главного в этой компании худой. «Шкаф» на подхвате, чувствует себя не в своей тарелке и не слишком рад тому, чем приходится заниматься. В налетчиках не было уверенности и спокойствия. Они только начали осваивать ремесло. И в этом крылась особая опасность. Невозможно предсказать, что ждать от начинающих налетчиков. Они могут сделать что угодно: убить, чтобы не оставить свидетелей, искромсать жертв на куски ради самоутверждения. В прошлом году такой начинающий налетчик убил директора ресторана «Русская изба». Убийцу арестовали. Оказалось, он отрезал у бедняги ухо и хвастался им перед своими приятелями.

Валя дернулась и замычала. Она упорно пыталась кричать, звать на помощь.

– Тише, так лучше будет, – сказал Карликов. Он все-таки был волевым человеком и уже овладел собой. И голос был уже его собственный. Шок прошел. Он принял новую реальность как данность и начал прикидывать, как бы выпутаться из этой ситуации с наименьшими потерями. Главное, сохранить жизнь себе и жене. Потом попытаться сделать так, чтобы они не вычистили квартиру до основания и взяли как можно меньше ценных вещей.

– И ты сиди смирно, фраер гнутый. – Худой ударил Карликова кулаком с зажатым в нем ножом по лицу. Потом подошел к замершей в руках верзилы Валентине. Провел пальцами по оголенной груди, погладил шею. Валя дернулась.

– Не бойся, шмара. – Он вытащил из кармана лейкопластырь, залепил ей рот, после того как верзила снял руку. Потом худой сорвал с нее халат, удовлетворенно осмотрел обнажившееся тело, завел ей руки за спину и связал пояском.

– Готово, – удовлетворенно произнес он, – можно не держать. – И вдруг с неожиданной яростью ударил ее. Валя упала.

– Будет знать, сука... Будет знать!

В соседней комнате взвыл закрытый там кокер-спаниель, почувствовав, что хозяйка в опасности.

Худой распаялся все больше.

– Постойте, не надо! – крикнул Карликов. – Вам деньги нужны? Берите!

И получил удар ногой в лицо.

– Он прав: на хрен она тебе? – заговорил «шкаф». – Нам барахло надо.

– Чтоб знали, фраера! Чтоб чуяли, в чьих они руках! – Худой нехотя отошел от Валентины. Он тяжело дышал.

Валя корчилась на полу. По ее разбитому лицу текли слезы. А Карликов сидел на скамейке и понимал, что бессилен ей помочь. Худой перережет ему горло, ни секунды не задумываясь. Видно, что псих. Карликов чуял их за версту. Нет ничего опаснее блатного психа. Это он понял, сидя в следственном изоляторе.

– Ну, чего, падаль вонючая, теперь поговорим? – Худой подсел к Карликову и взял его за горло, сдавив яблочко. – Гони бабки.

– Берите.

– Где они?

– В кабинете, в письменном столе, в верхнем ящике. Ключи вон там. – Он показал глазами на кухонную полку.

Худой вскоре вернулся и съездил Карликову кулаком по зубам.

– Это что, вонючка?!

Он бросил на стол две худые пачки тысячных купюр и восемь стодолларовых бумажек.

– Больше нет, – пожал плечами Карликов. – Все деньги в квартиру вбухал. Если хотите, берите холодильник «Самсунг», соневскую видеодвойку, они дорого стоят.

И тотчас получил рукояткой ножа по голове.

– Ты что, уродина, мы же не грузчики! Или ты сейчас же даешь бабки, или мы сначала кромсаем ее, потом гладим тебя утюгом, после спускаем в сортир по кусочкам. Я это могу, недаром меня добрым доктором Айболитом прозвали.

По-блатному доктор Айболит означает – садист. Карликов готов был поверить.

– Понял. В банке из-под крупы наверху ключ от сейфа. Сам сейф в кабинете за деревянной панелью – она отодвигается. Под картиной...

– Это другое дело. – Худой сгреб деньги в сумку. Карликов знал, что здесь одиннадцать тысяч долларов и сто тысяч рублей. До слез жалко. Сколько труда вложено! Но еще больше жаль коллекцию монет, исчезнувшую в той же сумке. И бриллиантовые серьги жены за две тысячи долларов. И четыре кольца. И три золотые цепочки, которые купил в Греции...

– Это все? – спросил худой.

– Подчистую пропылесосили, – хмуро ответил Карликов.

– Врешь ведь, гнида. Утюжка захотел.

– Нет больше ничего! Хоть убейте!

– Не разоряйся. Времени на тебя нет. Мне вечером на балет идти.

Худой налепил на рот Карликова пластырь, окинул его взглядом с ног до головы.

– Что с ним делать? Может, пришить? Надежнее будет.

Он не играл на публику, а всерьез думал, как поступить.

– Ты охренел?! – взорвался верзила.

– Слушай, гниль! – Худой присел на корточки рядом с Карликовым, которого перенесли в большую комнату и бросили на пол. – Мы все про тебя знаем, господин Карликов. Вякнешь в ментовку – она тебя не защитит. Сначала мы скормим твоей бабе твоего мопса. Потом скормим тебе твою бабу... Будешь хорошим мальчиком, мы к тебе больше не придем. Ты нас больше не увидишь. Разошлись как в море корабли. Договорились?

Карликов кивнул.

– Ты себе еще наворуешь. Пока.

Карликова и Валю обвязали веревкой, все три телефонных аппарата раздавили башмаками. Закрыли супругов в отделанной резным кафелем ванной со стеклянным потолком. И ушли.

Чтобы освободиться от пут, Карликову понадобилось полчаса. Затем он развязал находившуюся в обмороке жену. Час обрабатывал ее раны и отпаивал успокаивающими. Слава богу, ничего страшного. У нее разбиты губы, будет синяк под глазом. «Скорую» вызывать нет смысла. Есть свой доктор – осмотрит.

– Они все... они все унесли?.. – стуча зубами по стеклу стакана с водой, выдавила Валя.

– Не бойся, не все...

Действительно, двадцать восемь тысяч «зеленых» остались среди пыльного бархла на антресолях. Самые дорогие монеты тоже там. И книги на месте. Кто в здравом уме на них позарится? Что такое одиннадцать тысяч «зеленых» и несколько побрякушек? Тьфу. Нервы дороже.

– Поз... поз-звони в милицию. – Валя никак не могла успокоиться. Ее била дрожь.

– Нельзя. Эти отморозки могут прийти снова. Они сумасшедшие.
– Но это несправедливо. – Она уткнулась в диванные подушки и расплакалась.
– Может быть, и справедливо. Что справедливо, что несправедливо – это сложный вопрос...

Карликов не знал, что в этот день получила боевое крещение банда, за которой потянется длинный кровавый след. Но если бы и знал, то вряд ли поставил бы об этом в известность правоохранительные органы. Он уже давно решил для себя, что каждый достоин тех проблем, которые у него возникают, что своя рубаха ближе к телу, чем рубаха ближнего, и дороже, чем слеза ребенка, о которой любил говорить Достоевский.

С потерей драгоценностей и долларов Карликов смирился. Как отрезал. Попытался он отрезать от себя и переживания. Толку от них никакого, они ничего не изменят. Не хотелось ему и думать о том, кто навел на его квартиру. Единственное, с чем трудно было смириться, – с потерей коллекции монет. Надо попытаться что-то предпринять, чтобы вернуть ее.

Следующим вечером Карликов сделал телефонный звонок и, надев плащ, вышел из дома. Погода испортилась, на улице хлестал мелкий противный дождь.

– Ты куда? – спросила Валентина, продолжавшая пребывать в состоянии прострации, но понемногу все-таки приходящая в себя.

– Надо одного приятеля найти.

– Я не хочу оставаться одна!!!

– Я скоро вернусь...

* * *

Андрею Барабанову нелегко было представить, что чувствовали ребята, вернувшиеся из Афгана. Там они защищали интересы своей страны, то есть по большому счету (хотя спор этот долгий), воевали за дело. Андрей тоже вернулся с войны. Войны не менее суровой. Но он воевал за деньги. Честно сказать, он был киллером, только в военной форме. У него было ощущение, что он вынырнул из выгребной ямы, но от нечистот ему не отмыться никогда. Нужно привыкать жить с этим ощущением, смириться с ним. Уж сколько он там нахлебался дерьма – страшно представить. Еще там, в горах, он сформулировал для себя четкую формулу, которую не забывал повторять вслух:

– Чурок надо давить.

В его сознании понятие «чурки» охватывало довольно большую группу людей – и армян, и азербайджанцев, и дагестанцев, и грузин. Все – черные, усаые, в кепках. Давить – и никаких гвоздей! К чуркам он приравнивал и тех, кто по жизни не нравился ему и перебежал дорогу. Вообще мрази развелось – давить не передавить. С такими идеями он вернулся домой. Правда, немедленно реализовывать свой любимый лозунг он не собирался. Он вообще ничего не собирался делать. Он не знал, что делать. И не умел ничего делать, кроме как окунается в дерьмо, выплывать из него при козырных картах и деньгах и опять окунается и выплывать уже, как говорится, голым как сокол...

Перед призывом на военную службу Андрей больше всего боялся Военно-морского флота. Кому охота служить три года вместо двух и плавать на консервных банках, где зимой зуб на зуб не попадает, а летом жара, как в парилке. Да и вообще он никогда не любил водных просторов, и Васко да Гама из него не получился бы никогда.

Бояться, однако, нужно было кое-чего другого. Прежде всего седого, не старого еще капитана-«покупателя» на призывном пункте, который набирал команду в свою часть в Закавказье. Сперва Андрей даже обрадовался. Пехота так пехота. Жалко, конечно, что не десант: там научили бы с парашютом прыгать и взмахом ноги отрубать всех. Но зато не стройбат с его детьми кавказских народов, с парнями, имевшими судимости, и работой от восхода до заката.

И не противовоздушная оборона – там служба не пыльная, но, говорят, можно угодить под высокочастотное излучение и стать бесполезным как мужчина. Или ракетные войска – протечет топливо, надышишься и будешь или трупом, или инвалидом.

Если бы Андрей знал, что его ждет, то сделал бы ноги еще из эшелона, следующего на юг. В эшелоне ехала веселая команда, которую безуспешно пытались призвать к порядку седой капитан и три прапорщика. Все шло как надо. Ребята подобрались веселые, водку запросто доставали, а один «урюк» даже анашу предлагал, но Андрей тогда и понятия не имел, какой от нее прок.

Часть расквартировывалась в нескольких километрах от Ставрополя. Подразделение оказалось более-менее нормальным. В первый день новобранцев экипировали, разместили в казарме. А ночью...

– Ты теперь не человек! – визжал рядовой Черниченко, награждая особо непонятливых новобранцев, выстроившихся ночью в казарме, оплеухами и ударами в «фанеру» (грудь). – Человек – это «дед». «Черпак» – это почти человек. А «молодой» – есть послушное орудие.

Рядовой Черниченко по совместительству с должностью радиста служил еще и палачом, то есть отвечал за физическое воспитание «молодых» – чтобы не забывали свое место и шуршали, как электровеники. Он был не особо здоровый, но большая сила не требовалась. Андрей попробовал огрызаться, попытался отбиться. В тот же день его избили «деды» в туалете, притом неслабо. Били довольно часто. Из его призыва не трогали только Шохина – кандидата в мастера спорта по борьбе в тяжелом весе. Ему лишь немного досталось в первый день, но просто так, для порядка.

– Дембель стал на день короче – старичкам спокойной ночи.

– День прошел – и хрен с ним.

Эти и множество других прибауток орали ночью солдаты первого года службы. Могли поднять ночью и потребовать сказать, сколько осталось до дембеля. Или всучить «дедушкины» обмундирование и сапоги – стирать и чистить. Не злись, салажонок, не возмущайся – будет и на твоей улице праздник. Тоже станешь «дедом» и будешь заставлять стирать свое обмундирование. Преемственность. Традиции. Ничего не попишешь.

Впрочем, били не слишком сильно – так, чтобы не оставалось следов. «Деды» и «черпаки» знали меру. Если перегнешь палку, можно и в дисбат загреметь. Будешь там два года трубить, потом в часть вернешься, да тебе еще эти годы и в службу не зачтут. Нет, извините-подвиньтесь...

Слышал Андрей, что в некоторых других частях дела обстоят гораздо хуже, там, где командование совсем плюнуло на все и заботится только о карьере и показушном порядке. Бывает, избитые попадают в госпиталь, а в арtpолку даже убили солдата.

Хуже всего было землячество. Несмотря на все запреты, многие части Закавказского округа в большинстве состояли из местных призывников. Соберутся в подразделении сто дагестанцев и десять русских, и начинается потеха. Все два года службы будешь на подхвате. И быют русских там сильнее. О жалости и речи нет. Не завидовал он парням, которые попали в такие подразделения. Кроме того, те же чучмеки друг за друга держатся, в обиду не дают, а у русских один принцип: «Земляку в морду дать – как на Родине побывать».

Когда Андрей показал свой нор, доставаться ему стало меньше, чем другим. Постепенно он приспособился к армейскому быту. Правда, хозяйственные обязанности: наряды, мытье полов, крашение известкой бордюров – всегда вызывали у него скуку и желание сачкануть, зато боевая подготовка доставляла удовольствие. Грохот орудий, дрожащий в руках автомат Калашникова, трассеры, горящие мишени на полигоне, азарт – это действительно здорово!

Андрей научился стрелять из автомата и пулемета на пятерку, он испытывал настоящее счастье, глядя, как заваливается скошенная короткой очередью едва видная мишень. После выполнения упражнения у него всегда оставались лишние патроны. Он учился стрелять точно,

быстро. С упоением постигал премудрости боя. Передвижение. Оборона и наступление. Тактика боя в условиях горной местности. При наступлении, он знал, должен быть тройной перевес в боевой силе. При таких-то условиях боя расчетные потери должны составить две трети личного состава. Приятно было представлять себя героем, не вошедшим в эти две трети и заслуженно награжденным. Правда, все это абстракция. Вряд ли на его век придется серьезная война, в которой будет участвовать наша армия.

Все было бы хорошо, да грянула вторая чеченская война. Конечно, это не первая, когда людей бросали в мясорубки. Но тоже хорошего мало...

В части были идиоты, которым хотелось повоевать... Андрею не хотелось. Ему хотелось одного – побыстрее оттянуть ляжку. Но война нашла его...

Их кинули в тот проклятый, пропыленный, пропитанный запахом крови край. Когда их мотострелковый батальон пересек границу, Андрей понял – вот он, водораздел между старой и новой жизнью. Тут все не так. Тут реальность сильно провернулась и сдвинулась, приоткрыв проход в Преисподнюю.

Они попали в засаду, углубившись в Чечню где-то на десять километров. Гранатометчики подожгли первый БТР и последний «Урал» и начали поливать с горных склонов огнем. Андрей куда-то пробирался, прятался за машины, стрелял длинными очередями в ответ. Память не оставила подробностей того боя. Так, жалкие фрагменты. Бесчувственное кровавое тело рядом. Дрожащие пальцы, которые никак не могут открыть подсумок с магазином... И оглушительный грохот зенитной самоходной установки – ЗСУ. Она-то и спасла всех, рассеяв нападавших.

И как во сне – тела первых убитых, которые он видел на войне. Трех ребят, один из них приятель, не приятель, но нормальный парень. Ему оторвало голову выстрелом «мухи». Еще стоны раненых, которых было гораздо больше. Треск вертолета...

И шок. Мир как будто был за стеклянной стеной...

– Ну что разнюнились, салаги?! – выдал комполка на построении, когда они прибыли к месту новой дислокации. – Это война! На ней убивают... Пусть земля будет пухом нашим солдатам... А вам пора учиться выживать. Как взрослым...

А потом потянулось резиновое, какое-то мутное время... Скука полевого быта, палатки, отсутствие развлечений. Рядом непонятный и враждебный мир... И как яркие вспышки – боевые действия. Зачистка. Взрыв гранаты. Трясущиеся боевики, которых застукали на подходе к селу. Кивок комроты – в расход... Короткая очередь. Два тела. Ощущение какой-то опустошенности...

Блокпост. Колонны машин. Сладостное удовлетворение от того, чтобы переехать прикладом по хребту какого-нибудь разговорчивого моджахеда, качающего права... Бензовозы. Шуршание денег – бывало, перепадало и солдатам. Известный бандит, которого они выявили на блокпосту и которого пришлось отпустить, когда по рации командир с Ханкалы доступными матюгами объяснил, что они суются не в свое дело. Странная война. Мутная война...

Тянулись дни за днями. Ночные обстрелы блокпоста. Чеченские женщины, с готовностью отдающиеся за деньги, которые нарубили пацаны на блокпосту, – деньги небольшие... Вообще у народа денег в Чечне нет. Они все в карманах у баев и у тех, кто сопровождает бензовозы...

Андрей тонул в этом болоте, его сознание тоже подернулось болотной мутью.

Зимой по их блокпосту шарахнули из подствольника, и Андрей получил контузию, отлежал в госпитале и вернулся, ощущая, что звон в ушах так и не проходит...

И опять потянулось все по-старому... Бензовозы. Чеченки. Деньги, деньги... И растущая ненависть к этим краям...

В части творилось что-то не особенно явное... Поговаривали, что отношения у некоторых прапорщиков и офицеров с чеченами более чем близкие, и бандитам даже втихаря тол-

кают неучтенное оружие. А тут появилась возможность доступа к складу, куда свозились изъятые у боевиков автоматы... Ну, Андрей один и спер. И продал Ахмеду. Ушлый ингуш держал кафешку рядом с блокпостом, подгонял солдатикам исправно тех самых чеченок и не забывал говорить – оружие будет, приноси. Ну солдатик и принес. И получил деньги, да еще хороший ужин...

А после этого потерял сон. Не то чтобы был страх разоблачения. Было тупое ощущение, что он переступил через какую-то черту и еще глубже погрузился в это болото...

А тут еще прапорщик, который, кстати, и отвечал за тот склад, постоянно вопросы каверзные задавал, будто намекал – знаю, мол, как ты оружие продал. Однажды подмигнул и осведомился:

– Андрей, не в курсе, сколько на рынке за «АКМ» платят?

Бензовозы. Деньги. Ночной обстрел... Намеки прапорщика... И не просто намеки, а как прощупывал – что сделать, сдать с потрохами или к делу приспособить...

И однажды Андрея переклинило. Никаких поводов особых не было. Никто не обижал. Просто переклинило. Он понял, что не может больше в этом тесном мирке. Ему надо вырваться наружу... Нашел спортивный костюм. И умотал с блокпоста, оставив оружие. О чем думал? Да ни о чем! Он вообще не думал, а действовал как биоробот, в который ввели программу.

Через день, мотаясь по горам и не в силах на что-либо решиться, он уже готов был повернуть назад. Хоть самовольное отсутствие в части свыше суток и считается преступлением, трибунал ему не грозил. Такие вопросы оставляют на усмотрение командования. Получит максимум несколько суток гауптвахты. Удовольствие не из великих, но лучше, чем скитаться по ущельям и скалам. А что он тогда автомат со склада спер – никогда не признается. Пусть хоть повесят. Он еще не знал, что миг, когда он оставил блокпост, стал для него роковым – назад путь отрезан. Судьба его была предрешена.

– Э, русский!

Их было двое. На плечах автоматы Калашникова. Лица хмурые. На щеках многодневная щетина. В глазах холод.

– Поди сюда!

Один из них вскинул автомат, и Андрей понял, что если не выполнит команды, сквозь него через несколько секунд будет просвечивать заходящее солнце. Он послушно подошел и тут же получил удар прикладом.

– На колени, бараний сын!

Андрей рухнул на колени. Получил еще несколько ударов прикладом. Они что-то прокаркали на своем языке. Потом один из них, с жутким шрамом на шее, произнес, театрально чеканя слова:

– Ты – русская свинья, оккупант!

– Да вы что?! – воскликнул Андрей, у которого в голове сразу просветлело.

– Стрижка короткая. Солдат?

– Да нет, я проездом, – начал лепить Андрей какую-то чушь, понимая, что лишь усугубляет их подозрения.

– Турист, да? Он издевается... Тебя сразу расстрелять?

– Э, мужики, вы чего? Солдат я. Из части смылся. Вчера. Часть девяносто шесть ноль пятьдесят пять. За той горой мы дислоцируемся. Не верите?

– Это из той части, солдаты которой убивают мирных людей?

«Совсем плохо», – подумал Андрей. Один из чеченов поднял автомат. И Андрей увидел свою смерть. Он вдруг понял, дело не в желании отомстить за какие-то мнимые преступления, совершенные его сослуживцами против Чечни, – просто они хотят его убить. Как чужака. Как неожиданно материализовавшийся предмет их мутной ненависти. И надеяться тут совершенно не на что. Сейчас щетинистый нажмет на курок...

– Мужики, я же не стрелял в ваших земляков. Я потому и бежал из части, что не хотел стрелять. Я вообще на вашей стороне. Россия оккупировала вас, – начал он лихорадочно вспоминать, что читал до армии в разных газетах. – Чечня должна быть свободной. Никто не имеет права решать за вас, как и с кем вам жить.

– Зубы заговаривает, – сказал абориген со шрамом.

– Подожди немного. А ты стреляешь хорошо, солдат?

– Даже очень.

Они переглянулись, о чем-то переговорили на своем языке – ему, естественно, не было понятно ни слова.

– С нами пойдешь. Пусть командир все решает.

Командир, тоже щетинистый, лет под пятьдесят крепкий мужчина, рассуждал так: пускай русский живет, если обязуется верой и правдой служить делу освобождения Чечни. Оказалось, за эту службу платят. Не так чтобы слишком хорошо, но побольше солдатских копеек. Вскоре Андрей уже давал интервью сушеной как вобла, с приклеенной на лице улыбкой корреспондентке Рейтер. Как и учили, он угрюмо расписывал агрессивную сущность Российской армии, где солдат учат ненавидеть всех, кто хочет избрать свой путь, рассказывал, как военнослужащие расстреливали мирных жителей. Его фотография обошла многие западные газеты, при этом на глазах его была черная полоска: «Честный русский парень боится за безопасность своей семьи, которая может пострадать от ФСБ». Он выступал по Би-би-си, по «Немецкой волне». Но вскоре новые хозяева Андрея решили, что его пропагандистская функция исчерпана, и отправили на передовую.

Операции походили одновременно на партизанскую борьбу, разбойничьи налеты и на настоящую войну. Некоторое время Андрею удавалось держаться в стороне и заниматься хозяйственными работами, прислуживать на побегушках – принеси-подай. Однажды, в особенно горячую заварушку, ему вручили автомат. Ему было все равно – кто прав, кто виноват. Он хотел одного – выжить.

Убил он кого-нибудь в тот день или нет – Андрей не знал. Бой красиво смотреть в кино – со сменяющимися планами, широким обзором. Когда же ты зажат в горах, вокруг адов грохот разрывов, пальба, команды на непонятном языке, вопли и стоны, ты теряешь ориентацию, перестаешь понимать, что происходит, где свои, где чужие, и только жмешь и жмешь на спусковой крючок, не замечая, что магазин автомата давно пуст, – в этом нет ничего красивого.

Тогда они потеряли половину личного состава. После этого Андрей участвовал во многих налетах на СВОИХ! Он целился, стрелял, видел, как падали фигурки. При творящемся вокруг ужасе, при смертельной опасности, грозящей ему, порой он все же ловил себя на том, что воспринимает происходящее как компьютерную игру. На поле мечутся фигуры, их надо сбить. К реальности он возвращался при виде раненых, когда хоронили убитых. Тогда всем существом своим он ощущал кошмар происходящего, ужас смерти во всей ее безысходности.

Но перелом произошел в душе Андрея в одну роковую ночь. Перед этим они захватили несколько пленных. Накурившийся анаши командир отряда потащил пленных в горы, взяв с собой несколько человек для сопровождения. Среди них и Андрея. Ох эта ночь! Было ли что хуже в его жизни? Он помнит застывшие у отвесной скалы фигуры пленных, их лица в свете фонарей. В глазах ближайшего к Андрею бойца чеченского ОМОНа были понимание и безысходность. Командир поднял пистолет и выстрелил в пленного. Тот рухнул тяжелым мешком. Командир обернулся, и его мутный взор упал на Андрея.

– Теперь ты.

– Что? – не понял Андрей.

– Он твой, – командир показал на лысого, в годах, какого-то косоглазого – из восточных народов, милиционера с погонами прапорщика.

– Я не буду, – твердо сказал Андрей.

Бой – это одно. Там или ты их, или они тебя. Но расстрелять безоружного человека, да который еще стоит в трех метрах и лицо его можно рассмотреть во всех подробностях...

– Нет.

– Тогда умрешь ты! – Командир, покачиваясь, поднял пистолет и прицелился в Андрея.

У Андрея было три возможности: умереть, убить командира и тоже умереть или убить пленного. Он выбрал третье.

Потом ему долго снился тот прапорщик. Он смотрел прямо в глаза Андрею и шептал под нос какие-то молитвы. По щекам его текли слезы, они переливались в лучах фонарей... С каждым месяцем, однако, он являлся в снах все реже и реже. Потом в жизни Андрея было еще много такого, что может присниться в ночных кошмарах и снилось. Но все же страшнее этого, первого, сна не было.

После этого Андрей жил в полусне. Но однажды он будто проснулся. И решил – хватит. Он ушел. Дезертировал во второй раз. Прыгнул в неизвестность...

Если бы он попал в руки чеченцев, то в живых бы не остался. Но он наткнулся на русскую боевую колонну. Потом он долго рассказывал особистам и работникам военной прокуратуры в Ростове, куда его прикомандировали к войсковой части, о своих странствиях. Естественно, у него хватило ума не распространяться о своих подвигах на полях брани и о том, что он ушел из части, боясь уголовной ответственности за хищение оружия. Был в плену. Сбежал. Добрел до своих... Оказалось, что о пропаже того злосчастного автомата никому не известно. Тут еще вышел указ президента об амнистии лицам, уклонившимся от воинской службы, которые явились с повинной добровольно. Так как Андрей относился именно к таковым, то, дослужив четыре месяца без особых хлопот в полку, где на одного офицера приходилось два солдата, он уволился в запас.

В чужой город вернулся чужой человек. Этот город теперь напоминал ему театральную декорацию. Декорацию в театре марионеток, движимых невидимым кукловодом. Ему здесь не нравилось. Он понял, что все чувства – радость, страх, огорчение, боль – оставлены там, в покрытых чахлой растительностью каменистых горах. А главное, там осталась его ненависть. Но вместе с тем там он – жил. Жил черной энергией войны. А не был, как сейчас, обычной марионеткой в никчемном городе с его мелкими страстями, убогими радостями. Да, город полон своих страхов, своей боли, здесь тоже есть насилие, борьба. Но не то. Не то... Это все страсти марионеток. Кукол.

Через полгода после увольнения в запас его вызвали в военкомат. Он очутился в кабинете суетливого майора. Андрей боялся, что речь пойдет о прошлых делах. Но оказалось все проще:

– Работаешь? Нет? Как насчет контракта? Ты воевал, там деньги хорошие. Таджикистан...

И Андрей согласился...

Хотя боевых активных действий там не велось давно, но Андрею, как всегда, повезло – он попал в несколько заварушек, когда дикие банды пытались шастать по горам, а наши войска пытались им помешать... В Таджикистане Андрей многому научился, командовал отделением, когда лейтенанта ранило, освоил снайперскую винтовку и искусство закладок мин... И окончательно утвердился в том, что жизнь для него на войне.

После окончания контракта он вернулся в город манекенов. Отстраненность его стала еще больше. На заработанные и между делом награбленные во время службы всякими хитрыми и нехитрыми способами деньги он купил себе двухкомнатную квартиру, чтобы не жить с матерью и сестрой, – между ними в последнее время возникла трещина, становящаяся шире и шире. Жил он бирюком, почти ни с кем не общался. Иногда заезжали к нему боевые товарищи, уцелевшие на кавказской войне. Тогда они пили водку, вспоминали былое. Сам Андрей не

слишком любил погружаться в алкогольную пучину, но многие сослуживцы, доходили слухи, спились окончательно.

Андрей не знал, чем заняться. Помыкался. Устроился охранником в акционерное общества «Эфа». Насколько он знал – это название ядовитой змеи, почему генеральный директор выбрал его – непонятно. Впрочем, скорее всего, директору просто понравилось слово, смысла которого он не знал. Вообще хозяин был человеком малообразованным, свои университеты он проходил во время четырех отсидок. Работа была непыльная – сутки через трое. Удовольствия она не приносила. Сослуживцы сторонились Андрея, чувствуя в нем пугающую инородность.

В то утро Андрей валялся на раскладушке, тупо уставившись в потолок. Он научился не думать ни о чем. Просто пялиться на какой-нибудь предмет, изучая его форму. Сейчас предметом его изучения был узор на плафоне люстры. Покончив с этим занятием, он приподнялся, сунул ноги в тапочки. В комнате почти не было мебели – лишь несколько стульев да покосившийся стол. Даже кровать не купил – ему было плевать на обстановку. В квартире он поддерживал идеальную чистоту, видимо, в противовес грязи, беспорядку, которые повидал за службу. Зато в углу на тумбочке стояла видеосистема, обошедшаяся довольно дорого. На полу лежало несколько десятков видеокассет и DVD-дисков, в основном американские боевики. Про Вьетнам, Южную Америку, Вторую мировую, про кровавые мафиозные разборки, про операции ЦРУ и ФБР, про героев-одиночек, бросивших вызов всем. Фильмы абсолютно фантастичные. В жизни все было совершенно по-другому. Но все-таки они чем-то притягивали. В них был азарт боя, его пьянящее веселье, безграничные возможности. Как хотелось вот так же непринужденно, с двух рук паля из автоматов и укладывая груды врагов, идти по открытому пространству. На такое способен только сумасшедший, которому надоело жить. Но у этих парней все получалось. Здорово было бы так же легко оторваться от скалы в том ущелье, где их покосили несколько десятков, и так же изящно разделаться со всеми... Не бывает такого. Глядя на экран, он вспоминал о прошедших боях, о пережитом.

Он прошаркал на кухню, открыл холодильник. Пусто. Надо идти на рынок. Рынок располагался всего в двух кварталах и полон черных. Будто и не уезжал оттуда.

– Давить черномазых надо, – произнес он и начал натягивать ботинки.

* * *

Карликов слышал, что вроде бы еще в начале семидесятых годов теневики и воры достигли соглашения, по которому часть прибыли от теневых махинаций переключивалась в воровские общаки. Между этими двумя преступными сообществами постоянно поддерживались отношения. Когда Карликов работал завмагом, это было начало расцвета отечественного рэкета, когда шантрапа самого разного калибра жадно и без оглядки кидалась с мешками туда, где, по ее мнению, должны были лежать золотые россыпи. К нему тоже заявились трое развязных, обалдевших от собственного нахальства типов и потребовали: делись. Пришлось пожаловаться партнерам, которые, похоже, обладали немалыми возможностями, потому что больше рэкетирь не появлялись. Работая в баре, Карликов знал, что шеф платит деньги «крыше»: время от времени приходил лысоватый плюгавенький мужичонка, одетый в неизменный красный пиджак и зеленые брюки, с которыми, похоже, не расставался никогда, получал деньги и садился в машину, где его ждали трое лбов. Кроме того, бар облюбовала левобережная группировка: здоровенные тупомордые амбалы проводили здесь все время, иногда устраивая спектакли. Однажды на стоянке около бара они схлестнулись с чеченцами. Захлопали выстрелы. В результате на поле битвы осталось по трупу с каждой стороны. На допросе в милиции Карликов заявил, что ничего не видел и не слышал, поскольку с головой ушел в любимое занятие – протиранье бокала и взбалтывание коктейля «Космос» для заезжего финна. Уголовников

Карликов не любил и предпочитал держаться от них на расстоянии пушечного выстрела. И вот нужно идти к ним на поклон.

Если бы не коллекция, никогда бы не пошел ни на что подобное. Нет, просить о чем-то бритозатылочных даунов-левобережцев, гуляющих в баре, он не собирался. Им только дай палец – мигом всю руку оттяпают. Карликов слышал, как некоторые из обращавшихся к бандам с просьбой, например, о содействии в возврате долга в результате сами оказывались всем кругом должны... Нет, надо идти к кому-то, кого хорошо знаешь. Такой человек на примете у Карликова имелся.

Гусявина Карликов знал еще с тех пор, когда тот был обычной уличной шпаной и не вылезал из отделений милиции. Время от времени, когда Гусявин выходил из зоны отдохнуть, они встречались, как правило, случайно, в городе, сидели где-нибудь в кафе, болтали за жизнь и опять расходились на несколько лет. Последний раз Карликов встретил его три недели назад. Гусявин был, как всегда, в хорошем настроении, болтлив, обаятелен. Карликов и глазом моргнуть не успел, а приятель уже выцыганил у него денег взаймы, сказал, что живет у женщины, всунул насильно номер телефона. Сумма была небольшая, и Карликов списал ее со своего бюджета. Получить ее обратно он не надеялся. К его удивлению, Гусявин вскоре заявился к нему домой и принес долг.

Встретиться договорились у областного драмтеатра. Карликов приехал вовремя. Гусявин опоздал на пять минут. Он постучал пальцами в стекло «Вольво» и плюхнулся на сиденье.

– Хорошая телега, – оценил он машину.

– Неплохая, – согласился Карликов.

– Правда, видали и получше.

По мере того как Карликов излагал свою историю, лицо у Гусявина вытягивалось.

– Офиздипеть. Ну и дела у вас на воле творятся. В тюрьме спокойнее. Вообще место тихое. Рекомендую.

– Типун тебе на язык. Слушай, Слава, ты бы поспрашивал, кто меня так наказал.

– Ерики-маморики, да что вы все? Сявый что, информцентр УВД? Одному поспрашивай, другому поспрашивай...

– А кому еще?

– К делу не относится... Ну, хорошо, узнаю я, что за «парашютисты» к тебе десантировались. А дальше что ты сделаешь? Вендетту объявишь?

– Нет, конечно. Пускай коллекцию монет вернут.

– Ты что, в колодец вместо ведра упал? Если они тебе что и вернут, так только перо в бок.

– Я деньги за коллекцию отдам. Три тысячи долларов. Придется, конечно, поприжаться, подзанять, но мне эта коллекция дорога. Все равно они никуда ее не смогут продать.

– Ну, не знаю. Дело опасное. У нас за лишние вопросы и секир-башку могут организовать.

– Сто баксов тебе, Слава.

– Сто баксов, – задумчиво протянул Гусявин.

– Сто пятьдесят.

– Да за кого ты меня принимаешь? Что я, сука, с друзей драть? Ладно, сто сорок.

– Договорились.

– Я попытаюсь, но...

– Попытайся.

Карликов внимательно посмотрел на приятеля. Который раз ему приходила в голову мысль – а не его ли это рук дело? Вряд ли его удержали бы от подобного шага соображения морального характера. И в очередной раз Карликов отбросил эту мысль. Откуда Гусявин знает об Удавыдченкове и о том, что тот присылает из-за границы монеты? Не мог он это узнать. Значит, никакого отношения к разбою он не имеет. Так думал Карликов. И был не прав.

Это именно Гусявин навел на квартиру Глена с Брендюгиным. И приходил он в гости вовсе не для того, чтобы вернуть долг, а на разведку. По привычке он проверил сначала почтовый ящик. Это старый трюк. С Гусявиным сидел на зоне Тофик Джамалов, на котором висело полсотни разбойных нападений. Он приходил со своей командой в дом, вскрывал почтовые ящики, находил письма, из которых узнавал имена хозяев, потом звонил в квартиру, представлялся человеком, доставившим посылочку от того, кто указан в письме отправителем (как правило – близкий родственник проживающих). Когда дверь открывали, в квартиру врвались бугаи в масках... Гусявину повезло. В почтовом ящике лежало письмо от Удавыдченкова, в котором он сообщал, что в скором времени переправит с неким Володей несколько монет...

Гусявин рассказал Глену о своем разговоре с Карликовым. Глен забеспокоился.

– А почему он к тебе обратился?

– А к кому же еще?

– Ты уверен, что он ничего не подозревает?

– Кто? Он? Карликов же лопух лопухом, даром что торгаш.

– Может, ты его недооценил и это ловушка?

– Он лопух. К тому же лопух дрожащий, трясущийся от любого дуновения ветра. Он перепуган до смерти – ему только ловушки устраивать.

– Тогда надо отдавать коллекцию. Я не знаю, куда ее девать. Три тысячи – нормально.

– Сейчас позвонить?

– Ты чего, совсем сбрендил? У него сразу уши торчком встанут – как это ты успел за два часа все узнать?

Через два дня Гусявин позвонил Карликову и сообщил, что все устроил. Он привез коллекцию. Карликов отмусолил тридцать мятых стодолларовых бумажек.

– А это тебе, – он начал складывать двадцатидолларовые купюры во вторую кучку.

– Мне, право, не совсем удобно, – потупил глаза Гусявин. – Конечно, пришлось побегать.

Пару раз обещали на ножи поставить.

– Правда?

– Конечно. Но все равно неудобно брать у тебя эти сто восемьдесят долларов.

– Сто пятьдесят.

– Да? – укоризненно приподнял бровь Гусявин.

Карликов отсчитал сто восемьдесят долларов и протянул ему.

– Нет, если ты на самом деле считаешь, что говорил о ста пятидесяти, то пожалуйста.

Хотя...

– Бери.

Когда Гусявин ушел, Карликов вздохнул:

– Нет, все-таки недаром ты за мошенничество сидел.

Гусявин вошел в квартиру Брендюгина и победно бросил на стол пачку денег.

– Ты чего, жевал их? – спросил Глен. – Не мог нормальные взять?

– Нормальные вы все у него выгребли... Вот что, братцы, это дело отметить надо.

– Неплохо бы, – согласился Брендюгин. – Только у меня и в баре, и в холодильнике пусто.

Может, посидим где-нибудь?

– В кабакторий лень, – отмахнулся Гусявин. – Пошли лучше на рынок, там шамовкой и влагой заготовимся и устроим гульбище.

Набирал обороты очередной день. Судьба Глена и его приятелей должна была сделать сегодня очередной поворот. Но никто из них не предполагал этого.

* * *

Рынок был привычно шумен, грязен, многолюден. Когда-то он назывался колхозным. После того как слово «колхозный» пустили по разряду ругательных, рынок стал просто городским. В народе же его прозвали «кавказским» – и не без достаточных оснований. На протяжении пятнадцати лет его бессменным директором являлся Ашот Робертович Пазарян – пожилой седовласый армянин, говорящий по-русски без малейшего акцента. Он тесно сотрудничал с заправлявшей на рынке азербайджанской группировкой, верховодил в которой Анвар Джавадов. Это там, на Кавказе, звучит канонада и азербайджанец с армянином злейшие враги. Здесь, в России, счеты другие. Большие деньги не терпят межнациональной вражды. Деловым и умным людям неинтересно, у кого находится Карабах. Деловым и умным людям интересно, как заработать больше денег.

Помимо овощей, фруктов и мяса, на рынке довольно оживленно торговали оружием, наркотиками. Наркобизнес – одна из основных статей дохода азербайджанской диаспоры. Анаша и героин на городском рынке продавались, наверное, тоннами. Появлялись и более серьезные наркотики. Еще год назад шла активная торговля триметилфентанилом, который в несколько десятков раз сильнее излюбленного наркоманами метадона. Но в прошлом году в Москве был арестован главарь группировки, доставлявшей этот наркотик из Азербайджана и развертывавшей его производство в России. Наркоотдел уголовного розыска брал торговцев зельем одного за другим, но Магомеда Алиева, державшего этот бизнес и руководившего им из Ленкорани, это не очень волновало. Он тут же набирал новых мальчиков, для которых угроза попасть в русскую тюрьму была гораздо предпочтительнее службы в воюющей армии или безработицы и нищеты в родных краях.

Жизнь рынка никогда не отличалась спокойствием. Помимо операций областного наркоотдела, время от времени проводились большие шмоны, и тогда нужно было как можно быстрее делать ноги. Если с местным отделением милиции рыночным дельцам удавалось сосуществовать во взаимовыгодном симбиозе, то найти общий язык с ОМОНОм и областным угрозыском им никак не удавалось. Во времена больших шмонов омовские дубинки нещадно гуляли по кавказским ребрам. Притом со временем ущерб от таких операций для рыночной мафии становился все ощутимее. Сперва об их проведении заблаговременно докладывали свои информаторы из милиции, так что было время вывезти оружие и анашу. Милиция училась на ошибках. И теперь о намечающихся операциях знали три-четыре человека, к которым не было никакого подхода. В результате в подсобке рыночного кафе изъяли ящик гранат «РГД-5», а на них уже был покупатель, внесший часть денег. В гостинице при рынке нашли пятнадцать килограммов анаши... Помимо прочего, горбоносым торговцам перепало и из-за классового чувства, и за высокие цены, и за наглые физиономии, и за просто так. Постепенно кавказцев начали заменять русскими, которым платили копейки и которые не вызывали такого негодования.

Бывали у рыночной братии неприятности и с бригадами. На рынок шли пастись все, кому не лень. Неопытных щенков, мелких уголовников, решивших осваивать искусство рэкета, отваживали быстро и жестоко. Хуже обстояло дело с серьезными группировками. Доходило до открытых боевых действий. Первого помощника Анвара утопили в реке в его «Мерседесе», нескольких человек постреляли в городе. Пару раз рынок громили группировщики, уничтожая товар, переворачивая лотки, стреляя куда ни попадя. Азербайджанский привет не заставлял себя долго ждать. С одной стороны, у азербайджанцев было полно людей, которые по военной привычке готовы стрелять в кого угодно и сколько угодно. С другой – город все-таки был не их и чувствовали они себя здесь не всегда уютно. Наконец между Анваром Джавадовым и Медведем было достигнуто соглашение о весьма солидных, но не чересчур обременительных отчис-

лениях в воровской общак. Тем самым рыночной мафии был придан некий официальный статус в воровском мире. И азербайджанцы получили возможность отваживать любых рэкетиров.

Андрей протиснулся сквозь ряды людей, тесно стоящих на площади перед рынком. По выходным здесь яблоку некуда упасть. Раньше тут торговали всякой зеленью, овощами. Сегодня это место стало барахолкой. Старушки, божьи одуванчики, торговали ношенными туфлями, варежками, шерстяными носками ручной вязки, подержанными игрушками... Хмурые красномордые мужики предлагали всякую всячину, начиная от картонных ящиков и кончая смесителями, самоварами, паяльными лампами. Бойкие девицы и парни пытались всучить корейские и китайские шмотки, привезенные челноками, – многие из этих вещей разваливались в первый же день носки.

Перед самым зданием рынка, под высокими ажурными куполами, выстроился ряд ларьков, забитых импортными продуктами, спиртными напитками, DVD-дисками, видео- и аудиокассетами. Сколько Андрей здесь ни бывал, из динамика, прикрепленного к стене такого ларька, во всю мощь гремела одна и та же музыка – неожиданно вошедший в моду старый шлягер «Сиреневый туман». Как можно слушать это изо дня в день? В городе полно чокнутых, подумал он в очередной раз.

В помещении рынка было полно народу. Андрей хотел купить свинину. Он обожал шпильки, с корочкой эскалопы. Он прекрасно умел их готовить и презирал мусульман за их дурацкое неприятие свинины. Эскалопчик с картошечкой фри и соленым огурчиком – что может быть лучше?

Андрей придирчиво выбирал мясо. Вокруг стоял шум и галдеж.

– Это что за яйца волосатые? – спросила старушка полного грузина, торговавшего киви.

– Овощ такой. Фруктовый, – ответил тот.

– Ты что, облизывал эти яблоки? Почему они так блестят? – Полная женщина в красном платье строго смотрела на паренька-азербайджанца.

– Хороший яблок должен блестеть. Покупай, ешь, хорошо будет!

– Да мне уже плохо, как на цену посмотрю.

– Это что, огурцы? Это хрен сморщенный! – возмутился бородатый мужчина.

– Хороший огурец должен быть сморщенный, – улыбался морщинистый армянин...

– Ты чего, сам картошку вырастил? – напирал пожилой работяга.

– Угу, – кивал грузин.

– И морковь?

– Угу.

– И бананы?

– Угу.

– Ах ты, спекулянтская рожа!

– Слушай, иди, зеркало своя рожа смотри, э!

Цены кусались. Яблоки стоили в полтора раза дороже бананов. Огурцы в два раза дороже яблок. Одни возмущались, качали головой и удалялись с пустыми сумками, в лучшем случае купив небольшой кусок мяса или несколько огурчиков. Другие нагружали в сумки все, что попадалось на глаза, не глядя на цены и не требуя сдачи. Обстановка была нервной. И, конечно, что за рынок без хорошего скандала.

– Чтоб ты сдохла, коза нетраханая! Чтоб у тебя задница петухом закричала! Сейчас волосья-то тебе повыдергиваю! – визгливо орала цыганка, наскაკивая на толстую, колхозного вида бабищу в белом фартуке.

– Люди, держите воровку! Ах, подлая! Ах, так тебя растак! Что же деется?!

– Как же, удержали, смотри! – Цыганка сделала неприличный жест и, взмахнув юбками, устремилась прочь. Она была права – держать ее никто не собирался. Она только что провернула классический трюк, именуемый ломкой. Протянула тысячную купюру с просьбой разме-

нять, а когда торговка разменяла ей деньги и отдала, неожиданно раздумала и потребовала купюру обратно. В результате несколько сотенных бумажек при возврате испарились.

– Грабю-ють! – заунывно и без особого энтузиазма заорала торговка, не надеясь на помощь. Но помощь неожиданно появилась в виде двоих парней: кавказца в кожаной куртке и русского в камуфляжной пятнистой форме с резиновой дубинкой. Они подхватили под руки цыганку и отвели ее в сторону, что-то негромко втолковывая.

– Подавитесь! – воскликнула цыганка, вытаскивая деньги. – Чтоб вам импотентами стать!

Слово «импотент» она выговаривала тщательно, похоже, оно было новым в ее лексиконе.

На некоторое время тишина была восстановлена. Но вскоре возник очередной очаг напряженности. На этот раз прямо рядом с Андреем, который уже выбрал мясо и теперь приглядывался к соленым огурцам.

– Как вам не стыдно? – возмущалась худая очкастая женщина в ярко-зеленом платье. – Ваши весы врут на триста граммов! Я у вас бананы покупала. Дома перевесила на своем безмене – трехсот граммов не хватает!

Женщина была на грани истерики. Вокруг нее толпился народ. Андрей пододвинулся поближе, заинтересовавшись скандалом.

– Мам, ну, пошли. Пошли. – Девочка лет семи дергала женщину за рукав.

– Какие триста грамм?! Женщина, ты что? У меня весы – в редкой аптеке такие есть! Не знаю твоего безмена. Кто такой твой безмен? Почему он моим весам не доверяет? – Толстые губы волосатого горбоносого торговца скривились в злой улыбке.

– Ох, жулики.

– Ты что, бедная, да? Если бедная, на, бери!

Он сгреб в картонной коробочке с деньгами горсть купюр и презрительно бросил их перед женщиной. Денег там было явно больше, чем стоили триста граммов бананов.

– Три шкуры с нас дерут, да еще деньгами кидаются, – всхлипнула женщина, и по щекам ее потекли слезы. – Откуда вы только свалились на нашу голову?

– Что, мало, да? – гадко усмехнулся торговец. – Больше хочешь – пошли ко мне в гостиницу. Доллары дам.

Андрею меньше всего хотелось играть роль благородного защитника сирых и слабых. Но в голове что-то щелкнуло. «Черных надо давить». Вне зависимости от национальности. В глубине души он понимал, что не все кавказцы одинаковы, что среди них много достойных людей, не заслуживающих подобного отношения. Но ничего поделать с собой он уже не мог. Закипел разум возмущенный.

Андрей схватил с весов пластмассовую миску с помидорами и с размаху заехал ею по физиономии толстогубого. От неожиданности тот отступил на два шага, зацепился за табуретку и упал в ящик с помидорами, давя их своей тушей.

– Ах ты... – Он истошно заорал по-азербайджански, насколько Андрей понимал язык. Это были отборнейшие ругательства с упоминанием о сожительстве его матери с ишаком, и о том, что все его предки до седьмого колена сожительствовали с ишаками, и о том, что он сам сожительствует с ишаком, и еще многое другое.

Вокруг Андрея тут же образовалось пустое пространство. Первый порыв прошел, и он понял, что совершил глупость. Весь рынок полон кавказцев, друг за друга они держатся крепко, и если налетят, то не оставят у него ни одной целой косточки.

Он огляделся, высматривая, как бы побыстрее исчезнуть, но тут же понял, что опоздал. Около него возникли двое парней, недавно успешно решивших проблему с цыганкой. На этот раз они не стали ничего говорить. Даже не ругались, без чего на Руси не затевается ни один мордобой. Молча, как волки, они набросились на него. Русскому в пятнистом комбезе Андрей заехал ногой по коленной чашечке, а когда тот согнулся, угостил кулаком в подбородок, вложив в удар весь свой вес. «Пятнистый» отлетел на несколько шагов и, скорчившись, схватился за

колени. Тут из глаз Андрея посыпались искры – это резиновая дубинка обрушилась на его голову. После удара ботинком он очутился на мокром, в раздавленных помидорах полу. И началась обработка.

«Пятнистый» очухался и включился в этот процесс. Он был особенно зол. Охаживали Андрея в основном ногами по телу. Похоже, никто не хотел выписывать ему билет на тот свет. Было очень больно. Что происходило потом – Андрей помнит смутно. Избиение прекратилось. Слышались чьи-то приглушенные голоса. Его подняли и потащили куда-то. Он смутно видел толпу, в которой различал фигуры в милицейской форме. Кто-то о чем-то его спрашивал, но он не понимал, о чем, и не отвечал. Мир отдалялся, отделялся от него бронированным стеклом, а вместе с ним уходила и боль. В ушах звенело все сильнее и сильнее. После контузии такое с ним случалось не раз. Его добились до очередного приступа.

Потом Андрея куда-то привели. Он с трудом различал голоса:

– Врача вызовем?

– Благодетель чертов. Нужно тебе было... А что, если сдохнет?

– Не сдохнет.

– Братки, – еле ворочая языком, произнес Андрей, – не надо врача... В кармане три таблетки... Одну...

Он проглотил таблетки и прошептал:

– Я оклемаюсь.

После чего провалился в забытье.

* * *

Проснулся Андрей с тяжелой головой, будто после хорошего похмелья, но вполне пригодный для дальнейшего прохождения жизни. Он лежал в маленькой комнате на широкой кровати, покрытой коричневым пледом. Напрягшись, он встал, покачиваясь, вышел в коридор. В большой комнате были люди. Негромко играла музыка битлов.

– Глен, тебе не надоело эту муть слушать? – послышался густой бас.

– Дурак ты. Это же классика. В шестидесятые годы люди готовы были все заложить, лишь бы такую пластинку купить.

– Я только застольные песни люблю. Которые под пьяную слезу идут.

Андрей шагнул в дверь. В комнате сидели три человека. Смазливый парень с короткой стрижкой, жгучий брюнет, напоминающий героя-любownika из фильма тридцатых годов, и бородатый верзила, которому эта малогабаритная квартира была явно тесновата. Андрей еще не знал, что это Глен, Гусявин и Брендюгин.

– Очнулся. – Глен иронично оглядел Андрея.

– Мы думали, что ты в жмурки решил сыграть, – хмыкнул Гусявин. – Глянь, одной таблетки хватило.

– У меня после контузии.

Андрея усадили в кресло.

– Из Чечни, что ли? – спросил Брендюгин.

– И из Таджикистана.

– В армии там служил? – Глен внимательно посмотрел на Андрея.

– Было дело.

– Молодец. – Глен что-то соображал про себя. – Давай выпьем за это.

На столе было много закуски и бутылок с яркими этикетками.

– Чего ты на этого азербуда полез? – спросил Глен.

– Потому что чурок надо давить.

- А, он у нас из зверобоев, – кивнул Гусявин.
- Ты их много передал? – поинтересовался Глен.
- Прилично.
- Кстати, ты должен пятьдесят баксов, – вставил Гусявин. – Мы тебя от ментхауза избавили. Мусора хотели в участок замести. Черный пожаловался, что ты хулиган. Пятнадцать суток запросто огреб бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.